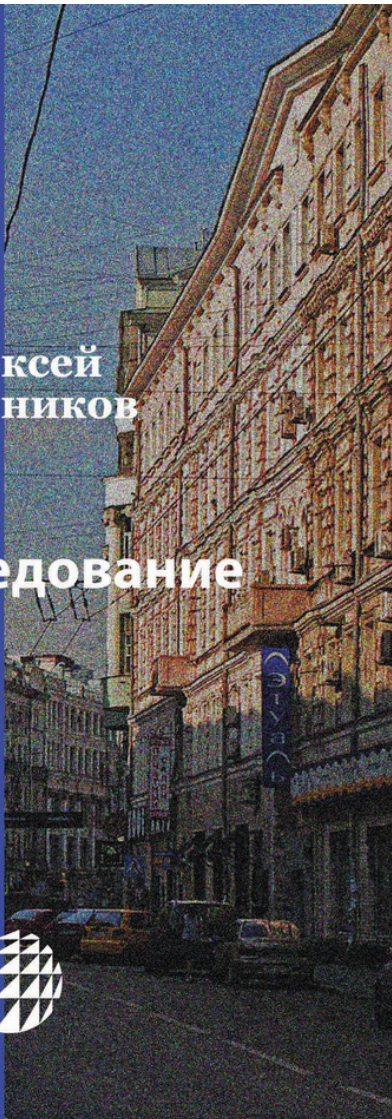

**Алексей
Иванников**

Расследование

Алексей Алексеевич Иванников

Расследование

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14128600

Аннотация

«Расследование» является с одной стороны романом походов, с другой стороны – философским романом. Молодой журналист собирается написать биографию актёра Р. – культового персонажа последних десятилетий, некоторое время тому назад умершего, и для этого встречается со всеми, кто знал актёра. Действие происходит в Москве и Подмосковье в 90-е годы. Действие описывается с точки зрения журналиста: молодого, сильного, талантливого, поставившего себе задачу сделать объективную биографию горячо любимого кумира юности, и с высокими моральными мерками берущегося за работу. Происходящие события проще всего описать как попытку героя (журналиста), поставившего себе высокую благородную цель, добиться достижения цели в условиях реального общества 90-х, то есть тех джунглей, в которые превратилась вся страна, и где за каждым деревом или кустом скрываются мерзкие пауки, занимающиеся своими грязными тёмными делами или кого-то жрущие, и бедному журналисту постоянно приходится выпутываться из различных историй, в которые он попадает: всё разлагается и смердит, он у всех путается под ногами, мешая персонажам заниматься грязными делишками, а его попытки

раскопать правду (о реальной жизни актёра, а не придуманной) встречаются всеми в штыки, пока не обнаруживается следующая картина: актёр оказывается одной из «священных коров», трогать которые не рекомендуется, поскольку они назначены верховной властью, и актёр является одной из главных фигур в пантеоне героев и гениев, сменившем пантеон эпохи социализма (Маркс, Энгельс, Ленин и т.д.). В ходе раскопок выясняется, что гений и кумир был негодяем и подонком, хотя и очень умным и способным человеком (так что тезис из «Моцарта и Сальери» насчёт «гения и злодейства» превращается в прямую противоположность). По типу и структуре ближе всего роман будет к следующим образцам: романам Кафки, двум романам Ильфа и Петрова, «Мёртвым душам» Гоголя.

Давно уже, ещё со школьных времён, когда я почти даже и не занимался литературой, у меня засела в голове странная навязчивая идея: почему-то я мечтал написать книгу об Р., великом актёре и мистификаторе, бывшем в прошлые годы одним из ярчайших творцов в своей области, недооценённым при жизни, но зато получившим сполна после ухода в иной мир. Никогда я не сталкивался с ним лично, и ничто не давало явного повода к столь большому интересу: он был, конечно, кумиром нашей молодости, но кроме него оставались и другие, и старый пантеон вмещал не один десяток персонажей и ярких личностей, но тем не менее в отношении к другим я всегда чувствовал себя намного спокойнее, и только Р. вызывал странную непонятную жажду.

Конечно же, я понимал сложность задачи: не имея реально ничего, кроме горячей любви и признательности – не только от себя лично, но от целого поколения – я должен был по крупицам собрать и восстановить истинный образ, реальное лицо гения, давшего так много всем нам; то, что выдавалось за правду, вызывало слишком большие сомнения, подтверждаемые ещё и тем, как по-разному выглядела жизнь Р. в книгах и статьях, собираемых мною уже долгие годы. Самая толстая и обширная биография – шикарно изданная лет десять назад – отдавала желанием сделать из своего героя чуть ли не образец для всеобщего подражания: долгая и трудная жизнь со взлётами и падениями подменялась ровной и возвышающейся дорогой к конечному успе-

ху, к победной вершине, за которой жизнь трагически обрывалась, а семейная биография представлялась как плавный переход от одного брака к другому, чтобы достичь абсолютного счастья опять-таки в конце, на высокой вершине. Конечно же, всё было совсем по-другому, что подтверждали и слухи, ещё бродившие в обществе спустя долгие годы после смерти, и отдельные статьи, подписанные разными именами. В них содержалось безусловно больше правды, хотя и здесь не было окончательной уверенности – уже в полноте информации. Воспоминания о загульной жизни гораздо лучше соответствовали старым сплетням и домыслам, а склонность к алкоголизму – почти затухшая в первой биографии – намного ярче высвечивалась в более поздних мемуарах, и почти наверняка называлась в них главной причиной ранней смерти. Такой подход вёл к противостоянию, и несколько статей А. – автора первой книги – посвящались как раз разоблачению подобных слухов, что вызывало, конечно, ответные залпы другой стороны, и дикая каша воспоминаний и контрвоспоминаний явно камуфлировала то, что совершалось в реальности. Сторонники другого лагеря не были так слажены, но у них тоже имелся свой предводитель: половина статей подписывалась Б., а содержание и настроение остальных явно сводилось к нему же, и можно было не сомневаться, что дирижирует и управляет лагерем именно он.

Интриги играли, конечно, существенную роль в борьбе за героя, но меня не устраивало такое положение, я хотел объ-

ективности, но даже в материалах Б. я обнаруживал неясности и просветы, сквозь которые уплывали целые куски и крупницы информации, растворяясь неизвестно где, и даже ему можно было доверять с большой долей осторожности. Официальные документы годились только в качестве основы для будущей работы, всё же остальное следовало добывать самостоятельно: путь оставался единственный – встречи с людьми, знавшими Р. лично, и долгий и трудный поиск равнодействующей всех частных мнений, из которых требовалось слепить единый цельный образ.

Родителей Р. давно не было в живых, и самые надёжные свидетели таким образом сразу отпадали, оставляя своё место другим людям, менее значительным и интересным: живы были первая и последняя жёны кумира, и многочисленные друзья, некоторые из которых стали тоже достаточно известны. Кто-то из них работал вместе с Р. долгие годы, снимаясь в одних и тех же фильмах или играя на сцене рядом, другие же просто являлись его друзьями и собутыльниками, весело проводившими свободное время. Особенно ясно это было по материалам Б., где даже выделялся узкий круг самых верных и преданных, от чьего имени как бы и растекался поток информации, забивая всё свободное пространство. Это был ответ на раннюю необъективную биографию, с автором которой велась беспощадная борьба за моральное наследие, причём – насколько можно было понять – критика и публициста А. поддерживала последняя жена кумира, а на сторо-

не Б. выступали самая первая супруга и подавляющее большинство прежних друзей и приятелей.

Цель казалась ясной, но мне нужна была свобода от обычной будничной работы в газете, отнимавшей так много сил; кроме того отрывки из будущей книги вполне могли подойти газете, и не стоило пренебрегать покровительством главного редактора во время будущих испытаний, связанных с пристраиванием книги в издательстве. Я не сомневался в его возможностях, и когда идея и план были продуманы и более-менее отработаны, я записался на приём по личному вопросу: так казалось правильное и логичнее.

Главный выглядел благодушно, он мирно попивал чаёк и ласково смотрел на меня – будущую надежду журналистики и его личную в частности – возможно, он думал, что я пришёл по поводу квартирного вопроса, что могло быть вполне естественно и объяснимо, ведь я отработал в редакции почти два года, получая одни благодарности и поощрения, и кому как не ему было лучше знать моё положение. Но сейчас он не угадал, и я с удовольствием наблюдал, как уходит его спокойствие и появляется другое – озабоченность и интерес: «Юрий Михайлович, вы, видимо, решили, что я пришёл по поводу квартиры – но это не так. Я не стану долго объяснять и растекаться по древу: я хочу написать книгу, и книгу биографическую – может быть, для вас это странно и неожиданно – но для меня имеет большое значение – и надо же когда-то приниматься за большую вещь? Вы ведь знаете

– Р. был кумиром нашей молодости – да и для вас он тоже не пустой звук, и насколько я понимаю, как главного редактора вас тоже могла бы заинтересовать такая публикация – хотя бы отрывков, я не говорю о всей книге. Так что вы могли бы очень серьёзно помочь: у меня скоро отпуск, а перед ним я мог бы оформить творческую командировку – на месяцёшко – и за пару месяцев я собрал бы материал и ещё через полгодика – представил работу.» – Старик был немного растерян, не такого он ожидал от меня, и внешние изменения на его лице не сразу получили словесную поддержку. Он немного покряхтел, пристально глядя на меня, и потом только начал выцеживать, не спеша и осторожно: «Ну что же, идея интересная, но... что вы будете делать? Нет, я не сомневаюсь в ваших способностях как человека, обрабатывающего информацию, но где вы собираетесь её добывать? Это ведь не так всё просто, это не то же, что подойти к любому прохожему и вывернуть его наизнанку, да и почему вы думаете, что получите всё, что надо?» Здесь уже я вступил основательно и серьёзно: я вывалил на него всю свою жажду, и непонятную тревогу, и готовность работать хоть сутки напролёт, подкреплённую большим разросшимся архивом, в котором давно хранились адреса и телефоны самых близких Р. людей, и сама идея, такая далёкая и сложная, стала намного проще и доступнее, и уже не надо было ничего особого делать для меня, а требовалось самое минимальное: дать мне месяц свободы. – «Я вижу, вы хорошо подготовились.» – Он

ещё думал и собирался с мыслями. — «А с заведомо вы договорились?» — Я коротко кивнул: всё давно было подготовлено, и не случайно последние несколько месяцев я работал за двоих, расчищая себе дорогу. — «Ну что же, наших лучших сотрудников надо поощрять, тем более если их заботы связаны не с личными интересами, — он весело подмигнул, — а с профессиональным ростом. Давайте заявление.» — Я быстро открыл папку, и он ловко нацарапал что-то внизу листа. — «Вы будете куда-то уезжать?» — «Нет, только Москва и область, совсем близко.» — «Хорошо, отнесите это в кассу, получите командировочные.» — Он наконец отдал мне заявление и бланки для оформления командировок. — «Желаю успеха. Попробуйте.» — Он всё-таки сказал то, на что я надеялся, рассчитывая использовать его возможности и связи при пропихивании или пристраивании книги в каком-нибудь издательстве: начало было положено, и требовалось не подвести и не испортить такую сильную и свежую идею, и я с благодарностью попрощался и пошёл дальше оформлять документы.

Кассир сидел на месте, и в ближайший час дело было завершено и я получил долгожданное: теперь надо мной ничего больше не висело, и я мог полностью сосредоточиться на замысле, дорогом и близком. Список с адресами и телефонами ждал меня дома, и не хотелось терять напрасно хотя бы один день — их было не так уж много в запасе — и после возвращения в квартиру — сейчас и на ближайшие дни пу-

стую – я достал список и набрал номер того, кто мне казался наиболее компетентным и сведущим в данной области. Рабочий телефон Б. я знал давно: фактически он являлся моим коллегой, работая в редакции известного журнала, и хотя мы ни разу не пересекались, я не сомневался, что этот контакт мне удастся установить без всякого труда.

Долго – почти минуту – к телефону никто не подходил, я уже начинал терять терпение, когда наконец трубку подняли и женский голосок пропищал что-то жалобное. и мне долго пришлось просить и уговаривать, чтобы позвали вечно занятого Б. Довольно долго трубка лежала без дела, иногда там что-то шуршало и перекатывалось, но наконец близко протопали шаги и трубка сдвинулась с места и возник осторожный тихий голос: «Да? я вас слушаю.» – «Михаил Семёнович, здравствуйте, вы меня не знаете, но мы с вами коллеги, и у меня к вам большая, огромная просьба. Речь идёт о Р.» – Он молчал. – «Я хорошо знаю о вашем интересе к Р. и давно читаю и собираю всё, что издаётся на эту тему, и прежде всего то, что печатаете вы лично. Мне хотелось бы встретиться с вами, вы не могли бы выделить мне немного времени, я, конечно, понимаю, что такой человек не может не быть вечно занятым, но для меня это, можно сказать, вопрос жизни и смерти.» – Я говорил убедительно и красноречиво, не слишком углубляясь в детали и подробности – зачем мне это нужно – но выглядело всё достаточно понятно: он был специалистом по Р., одним из немногих, кто знал досконально его

жизнь и творчество, а мне зачем-то срочно требовалось его знание, и красивые уходы вглубь проблемы и отступления в сторону не могли не подействовать на него, и когда я выдохся, он медленно пробурчал: «Ну хорошо, убедили. Сегодня у нас что – четверг? Давайте завтра, в три часа, у подъезда редакции – знаете где это? И кстати, как вас зовут? Много чего вы мне тут наворотили, но об этом – молчок. И как я вас найду?» – Уже спокойнее и не так торопливо я объяснил ему: как меня зовут, как я выгляжу и где работаю, что произвело также некоторое впечатление, и можно было не сомневаться, что это поднимет мою ценность в его глазах, и возможная помощь будет оказана с большей охотой. – «Так что завтра в три часа.» – Я вежливо простился, и он тоже не стал задерживать меня, оставив наедине с невнятными планами и надеждами, которым было ещё слишком далеко до воплощения, и требовалось сделать первый шаг, слишком многое определявший, и четверть шага я уже сделал.

Судя по голосу и журнальным статьям, Михаилу Семёновичу было чуть больше пятидесяти: являясь почти ровесником Р., он когда-то одним из первых брал интервью у молодого начинающего актёра, оказавшись под влиянием только раскрывающегося гения и самобытной личности. Мне не казалось удивительным такое: даже в ранних работах видна была самостоятельность, абсолютное отсутствие шаблонов и образцов для подражания, которые у начинающих актёров обычно стоят перед глазами и затмевают изначальное,

присущее только им; у Р. не было ученичества в привычном понимании, он как бы прорастал из редкого, ни на что не похожего семени, становясь с каждым годом крепче и сильнее, хотя и срываясь время от времени в длительные запои и сомнительные похождения, не способствовавшие общему подъёму. Что было здесь повинно – нездоровая наследственность или бывшие дружки – лично я не знал, хотя гораздо большее количество вопросов возникало у меня по поводу родителей Р. и его корней. Родословная почти не освещалась в газетных статьях, хотя я не сомневался в наличии нужных сведений: единственным общедоступным источником оставалась книга А., не вызывавшая у меня особого доверия, и без необходимости мне не хотелось трогать её автора, занимавшего – насколько мне было известно – слишком заметное место в нынешней социальной иерархии.

У входа в редакцию я стоял за полчаса до срока, пристально разглядывая входящих и выходящих через крутящиеся прозрачные двери, так что кто-то принял меня за посетителя, которому было назначено и которого ждали, но Михаила Семёновича я узнал сразу. Он был чуть ниже меня, и мои предположения по поводу возраста полностью подтвердились: он выглядел ещё нестарым, и судя по не слишком шикарному костюму, ненамного превосходил меня по положению на общественной лестнице, и с ним можно было вести себя достаточно свободно. «Это вы ждёте меня?» – Я кивнул и ещё раз представился, уже почти официально. – «У вас

есть час?» – «Допустим, да.» – «Раз уж я вам навязался, то давайте пойдём в кафе. Вы не возражаете? Я видел тут неподалёку.» – Он кивнул, и мы не спеша перешли неширокую улицу и спустились в подвальныйчик, снабжённый большой свещающейся вывеской и почти пустой в этот дневной час.

Я заказал кофе с пирожками – после отклонения коньяка – и мы забрались в самый дальний от стойки угол, где не было сейчас никого, кто помешал бы беседе. Надо было взбодрить Б., и я не особенно спеша смотрел, как он отхлёбывает из дымящейся чашки, постукивая пальцами левой руки по портфелю, лежащему рядом на столе. Кофе скоро кончился, и я предложил ему собственную чашку, из которой он выхлебал примерно половину, закусывая один из последних пирожков с повидлом, и наконец уставился на меня. – «Так что вы хотели узнать? И учтите, у меня не очень много времени.» – Я не хотел раскрывать всё сразу – это казалось неразумно – и неизвестно, как он отнёсся бы к желанию постороннего человека влезть в ту сферу, которую он мог считать своей собственностью. Выгоднее было выступать от имени газеты, и под видом выполнения редакционного задания получить как можно больше телефонов и адресов: начинать следовало со школы и учителей, и продолжить друзьями и приятелями – слишком слабо представленными в моём архиве – и обязательно надо было максимально расширить этот список. – «Видите ли, в чём дело, мы готовим... я готовлю серию статей об известных актёрах, художниках и так

далее – кумирах нашей молодости. Естественно, Р. – один из первых, и мне хотелось бы побольше узнать о нём, причём – должен вас предупредить – меня интересует самая подробная информация, и, кроме того, я читал почти всё, что выходило о нём – включая прежде всего ваши статьи. Хотя не только ваши, и не только статьи.» – Он с интересом смотрел на меня. – «Я имею в виду книгу А.» – «Этого мошенника?» – «Почему мошенника? хотя по существу я с вами согласен, и если сравнивать содержание книг и многих статей – прежде всего написанных вами – то книга, действительно, производит странное впечатление.» – «Жуткое, мерзкое впечатление!» – «Я с вами полностью согласен, и хотел бы сам во всём разобраться: я хочу собрать свидетельства близких и родных для Р. людей, чтобы самому всё сопоставить и сделать выводы; я не сомневаюсь в вашей правоте, но задание есть задание.» – «А почему вы не хотите заказать статью о Р. специалисту?» – Естественно, он имел в виду себя, и надо было аккуратно – не обидев его – обойти вопрос. – «Видите ли, это для меня очень серьёзное задание, определяющее, можно сказать, мою судьбу, и если бы от него ничего не зависело, я с удовольствием перепоручил его вам лично. Или – во всяком случае – сделал бы всё, чтобы убедить шефа.» – «В таком случае, насколько я понимаю, вы хотите получить от меня адреса и телефоны.» – Он стал похожим на обиженного ребёнка, которому не дали того, что обязаны были дать; но вряд ли кто-то другой мог оказать мне такую же помощь,

а на А. – второго такого же специалиста – я почти не рассчитывал: он вознёсся слишком высоко, и, самое главное, если явная и неприкрытая ложь пропитывала всю его книгу, то сложно было надеяться, что он поможет человеку, могущему разоблачить его. – «Я, конечно, не могу судить о вашей квалификации как журналиста – я никогда не читал ваших статей – но, молодой человек, я боюсь, вы взялись за непосильную задачу. Нет, вполне возможно – вы справитесь, и справитесь хорошо, но чего вам это будет стоить.» – В его интонации появилось непонятное, можно было подумать, что он меня о чём-то предупреждает или от чего-то предостерегает. – «Когда-то я тоже был таким же шустрым и самоуверенным – поверьте уж мне – и жил только работой: но где теперь всё, где теперь... Ладно, вы предлагали коньяк – закажите уж.» – Новый поворот стал неожиданным, но – судя по всему – он предвещал успех, и я быстренько подозвал официанта и заказал коньяк и кофе. Пока выполнялся заказ, Б. сосредоточенно молчал, видимо, собираясь с мыслями; потом он отхлебнул из рюмки, запил из чашки и понёсся дальше. – «А вы не знаете, что за человек был Р.? Между нами – бабник, плохой отец и муж, но какой актёр! Чтобы понять его – что не всякому дано – надо знать его в работе: на сцене, в кино – а что вам даст его личная жизнь? Скандалы, пьянки, разводы – и вы хотите всё это описать и преподнести в качестве подарка к юбилею или уж не знаю к чему там – вы этого хотите?» – «Но не всё же так беспросветно?...» – «А знаете ли вы, как

там, — он ткнул пальцем вверх, — посмотрят на ваше копание, и если вы, не дай бог, доберётесь до...» — Неожиданно он замолчал и быстро захлопал глазами, как бы приходя в себя и даже осматриваясь по сторонам: не слышит ли его кто-то посторонний. Но вокруг никого не было, официант крутился в другом конце зала, а бармен у стойки слушал музыку, и вряд ли мог разобрать его слова. — «Вы знаете, как хотите, но его друзей я вам не дам. Первая жена — ладно, пускай, но больше вы меня не просите.» — «А школа? Хотя бы номер.» — «Номер? Хорошо.» — Он допил коньяк и полез в портфель и долго копался там, пока не выудил старую замызганную записную книжку. — «Не подсматривайте.» — Он заметил мой взгляд и попробовал даже закрыться портфелем, но я быстро пересел на соседний стул, подальше от него, и приготовился записывать, показательно делая вид, что его тайны меня не интересуют. После быстрого перелистывания он обнаружил наконец нужное место и сухо и отрывисто продиктовал — я еле успевал за ним — и пока он складывал вещи обратно в портфель, я дописал и поправил то, что выглядело в блокноте нечётко и могло вызвать путаницу. — «Ну что же, прощайте. Я не желаю вам успеха: вряд ли вы чего-то добьётесь, и возможно, ещё вспомните, что я вам говорил.» — Он выбрался из-за стола и быстро зашагал к выходу, а я остался додумывать и анализировать его скрытое предупреждение, почти угрозу, которая почему-то так явно накладывалась на слова главного редактора и предвещала одни только трудности, и

неизвестно было, удастся ли мне их одолеть, потому что основной козырь оказался уже использован, и не принёс мне и половины того, на что я мог и должен был рассчитывать.

Но на следующий день я уже находился в школе, которую кончал кумир нашей молодости. Я специально подъехал к двенадцати, когда учёба продолжалась, и педагоги ещё не должны были разойтись по домам. Здание – из красного прочного кирпича – стояло в тихой части города в компании таких же старых кирпичных домов, не очень далеко от бывшей квартиры родителей Р. Я остановился и долго изучал вывеску: буквы под стеклом сообщали, что здесь не просто какая-то школа, нет, это было нечто специально-экспериментальное, с углублённым изучением под чьим-то высоким патронажем, так что даже неловко казалось отвлекать серьёзных людей от их дел. Но выхода не оставалось, и я открыл наконец двери на толстой железной пружине и прошёл в вестибюль, почти пустой, несмотря на середину дня.

Направо виднелась дверь в столовую, где что-то булькало и стучало, прямо шёл длинный коридор, кончавшийся вдалеке большим зарешеченным окном, а мне нужно было налево, мимо раздевалки, рядом с которой сидели и стояли школьники. Особого плана я составить не успел, главным было – как я представлял себе – найти директора, чтобы выйти через него уже на людей, знавших Р. раньше. Я вежливо спросил, где находится кабинет директора, мне несмело ответили, одновременно, похоже, пытаясь понять, кто я такой

и не исходит ли для них отсюда неясная опасность, и я пошёл на второй этаж, ощущая спиной всё ещё боязливые взгляды.

Кабинет находился в дальнем конце коридора, сразу за учительской, в которой беседовали две молодые женщины – видимо, учительницы, отдыхавшие в перерыве между занятиями – но как только я вошёл, они повернулись ко мне лицом, и мне не оставалось ничего другого, как спросить, могли ли я видеть директора. Сразу же они вскочили, и одна из них – постарше – как бы вынужденно, против желания – улыбнулась, и ответила, что меня не ждали так быстро. «А почему меня должны были ждать?» – Я ничего не понимал. – «А вы разве не из департамента?..» – «Нет, я по личному делу.» – Они сразу успокоились, и старшая из учительниц объяснила мне, что у директора – Маргариты Семёновны – сейчас урок, но минут через двадцать она освободится, а пока я могу посидеть вместе с ними. Они не были слишком любопытными, и когда я сел у окна, они снова уединились, и уже тихо продолжали разговор: старшая рассказывала, а собеседница время от времени переспрашивала и иногда смеялась, и тогда старшая присоединялась к ней и мелко подхихикивала. Кажется, они обсуждали общую знакомую, переминая ей косточки, а я стал им совершенно безразличен. Скорее всего их стаж работы не превышал и пяти лет: они выглядели чуть постарше меня, и, естественно, не могли иметь никакого отношения к тому, что меня интересовало. Та, что помоложе, казалась красивее, хотя и не отличалась тоже особыми каче-

ствами, и я время от времени переводил взгляд со стендов в дальний угол, где они продолжали трепотню, не очень заботясь о том, какое впечатление это произведёт на постороннего человека. Им явно было наплевать, и наконец мне стало обидно, ещё некоторое время я сдерживал себя, но потом встал и пошёл к замолчавшим и снова обернувшимся ко мне и насторожившимся жрицам культуры. «Знаете, я собственно вот по какому делу. Вы, видимо, слышали, что Р. кончал вашу школу?» – «Это кто, актёр?» – «Естественно.» – «Так вот, я журналист и писатель, и собираю информацию о нём.» – Я решил быть откровеннее, чем при первой встрече: в конце концов педагогам не имело смысла бояться и что-то скрывать, и можно было рассчитывать на более доверительные отношения. Они переглянулись, и старшая наморщила лоб, пытаясь припомнить что-то важное для меня, и наконец нужная идея выплыла из глубоких тайников памяти. «Но тогда вам нужна Елена Сергеевна – завуч. Она работает давно, и кто-то тут приходил и спрашивал про Р. – так он беседовал с завучем. А директор – моложе, и пришла из другой школы, она вряд ли поможет.» – Молодая согласно закивала, и обе наперебой заговорили о том, когда и где я могу найти завуча. – «Но сегодня же комиссия из района...» – Старшая вспомнила о неприятном судя по всему моменте, и молодая тоже приуныла, они вскочили на ноги и засуетились вокруг столов, ставя стулья аккуратно у стен ровными шеренгами и складывая в стопки журналы и какие-то тетради, разбро-

санные в беспорядке. Я решил помочь им и занялся стульями. – «Так где я могу найти завуча?» – «Если наверняка – то придётся вам ждать её здесь. Но вообще у неё сейчас тоже урок, и, по-моему, следующий – тоже.» – Старшая учительница, как бы взявшая на себя переговоры, подошла к стенду и ткнула пальцем. – «Всё правильно, органическая химия у десятого класса. Так что придётся вам её подождать. Но на перемене она должна зайти сюда – за журналом.» – Мы наконец разобрались с мебелью, и я сел уже недалеко от них. – «А больше вы не знаете никого, кто мог бы мне помочь?» – Старшая нахмурилась, пытаясь что-то вспомнить, а вторая с интересом разглядывала меня. Безусловно, это стало следствием того, что я раскрыл свои намерения и выдал себя: возможно, ей было интересно пообщаться с писателем, и во всяком случае моё положение здесь явно изменилось к лучшему. Долго мы смотрели друг на друга, наши взгляды иногда скрещивались и пересекались, выдавая что-то вроде взаимного интереса, пока старшая неожиданно не встрепенулась. – «Был, был один учитель, он даже вроде был классным руководителем у Р., хотя может я и путаю. Но сейчас он на пенсии.» – Я сразу прекратил разглядывание и перевёл внимание на старшую учительницу. – «Вы это точно знаете?» – «Да.» – «А адрес, вы не могли бы найти адрес?» – «Откуда? Я проработала с ним только год – сразу после института – и почти не общалась. Может быть – Татьяна Сергеевна вам поможет. Она тоже очень давно в школе, и по-моему, у них что-

то было такое... у Татьяны Сергеевны и... учителя, не помню уже, как его звали.» – «А где можно найти Татьяну Сергеевну?» – «Она ведёт английский в старших классах, сейчас посмотрим.» – Старшая снова обратилась к доске, на которой долго искала нужное место, шевеля от усердия губами и перемещая палец по вертикали и горизонтали, и двигаясь иногда даже под углом, пока радостно не крикнула. – «Вот она! Считайте, что вам повезло: сейчас у неё как раз кончается занятие, а следующий час свободен.» – «И где же у неё урок?» – «На четвёртом этаже, сорок пятый кабинет.» – Я задумался: проще было сначала заняться вновь открывшейся кандидатурой, и только потом уже имело смысл обратиться к завучу. Я встал. – «Очень вам благодарен. Я ещё вернусь, так что пока не прощаюсь.» – Круто развернувшись, я проигнорировал ищущий тёплый взгляд, что-то обещающий, но отвлекающий от главного: от дела, ради которого мне пришлось забыть все другие долги и обязательства, чтобы уйти на несколько месяцев в густую глубокую тень, в которой только и можно было выполнить мою большую и нелёгкую задачу.

Звонок на перемену прозвенел, когда я добрался до четвёртого этажа, пока ещё пустого. За нужной мне дверью стоял шум, кто-то кричал и заливался смехом, и я был немного шокирован, когда увидел открывающиеся двери и выбегающих старшеклассников. Двое высоких преследовали маленького и толстенького, шлёпая портфелями и стараясь попасть

ему по голове, но голову как самое ценное жертва защищала дипломатом, и доставалось в-основном другим частям тела. Толстяк бежал достаточно шустро, но охотники всё равно не отставали, и он мужественно сносил особо болезненные удары, иногда выкрикивая что-то обидное и неприятное, задевающее преследователей. Они наконец исчезли на лестнице, а из комнаты выходили остальные – цветущие девушки вперемешку с высокими ребятами – и наконец в самом конце, когда поток чуть прервался, в дверях показалась маленькая старушка. Под мышкой она тащила плотную пачку тетрадей и книг, что было ей явно сложновато; когда я сделал шаг навстречу, она заметно испугалась и остановилась, настороженно глядя снизу вверх. – «Давайте, я вам помогу. Вы идёте в учительскую?» – «Да. А вы кто такой? И что вам надо?..» – «Видите ли, я по одному личному делу, и мне сказали, что вы можете помочь. Вы ведь Татьяна Сергеевна?» – Она сунула мне пачку и не спеша двинулась вперёд. Говорить стало сложно, потому что за спиной и по ходу движения стали открываться двери, и оравы визжащих школьников, видимо, самых младших классов, начали заполнять коридор.

Только на лестнице стало немного спокойнее, беготня и игры проходили в-основном в коридоре, и мало кто решался выскакивать туда, где было опасно, и только на подоконниках сидели и болтали несколько старшеклассников. – «Ну у вас и обстановка...» – «А что вы хотите? Кто в состоянии с ними справиться? Скоро ведь каникулы.» – «Насколь-

ко я помню, в моей школе, когда я её кончал, не было ничего подобного.» – «Когда это было?» – Она быстро повернулась и посмотрела мне в лицо. – «Лет десять назад здесь тоже не было ничего, а вот теперь появилось. Так вы по какому делу?» – «Видите ли, я журналист и писатель, и собираю материалы про Р. Мне сказали, что вы знакомы с бывшим классным руководителем Р., и, может быть, вы даже сами его знали?..» – «Кто же вам такое сказал?» – «В учительской. А что, это неверно?..» – «Нет, вам сказали правду.» – Она сразу стала строже. Мы спустились уже до второго этажа и шли по коридору. – «Спасибо за помощь. Давайте сюда тетради.» – Теперь она говорила сухо, и перемена не обещала ничего благоприятного ни мне, ни двум молодым учительницам, выдавшим её старую тайну, что она хорошо поняла, и неслась теперь к кабинету, возможно, с не самыми добрыми намерениями.

Кроме двух молодых учительниц в кабинете находилась ещё одна женщина – явно постарше, и когда старушка влетела в открытые двери и уронила стопку тетрадей и книг на ближайший стол, она набросилась на женщину постарше, не ожидавшую ничего подобного. Она называла её старой сплетницей и воровкой, доставая из памяти какие-то её, видимо, давно забытые ошибки и погрешности, пока минуты через две не остановилась, позволив изумлённой невинной жертве вставить наконец вопрос. – «Что с вами, Тамара Сергеевна? Я вас не понимаю.» – Разошедшаяся старушка стран-

но посмотрела на женщину, потом обернулась ко мне, и потом уже только обратила внимание на молодых учительниц, тихо сидевших в углу. Основной натиск прошёл, и вела она себя не так активно. – «Так это вы распространяете старые сплетни? Это из-за вас мне приходится терпеть унижения, как будто всё давно не кончено, а сами, небось, тоже небезгрешны, знаю я вас.» – «Да как вы можете, – старшая начала медленно подниматься, – при чём здесь мы вообще: мы всего лишь помогли человеку, а вы, Татьяна Сергеевна, уже закатываете скандал, как будто здесь произошло не бог весть что такое.» – «И бросаетесь на людей ни за что ни про что, – вылезла напрасно пострадавшая, – как собака бешеная.» – «Это я собака?! Тогда вы... ты... ехидна беззубая!» – Скандал переходил в новую стадию, с обоюдными обвинениями и выпадами, за которыми могла начаться потасовка с членовредительством, и я наконец решил вмешаться. – «Женщины, женщины, прошу вас, пожалуйста, не надо продолжать. Из-за такой мелочи устраивать выяснение отношений – совершенно несерьёзно, я ведь всего лишь хотел узнать адрес учителя, и что такого необычного и оскорбительного в моей просьбе, из-за чего вы подняли весь шум? Прошу вас – успокойтесь, а потом вы дадите мне адрес, и я уйду и не буду больше напоминать о том, о чём вам так неприятно думать.» – Это произвело на них впечатление, и не сразу, но они всё-таки стали успокаиваться, глядя друг на друга исподлобья, но больше не выражая свои мысли вслух. Они дол-

го молчали, перекладывая журналы и тетради на столах или просто разбрасывая вокруг суровые строгие взгляды, пока старушка наконец не очнулась. – «Хорошо. Но пусть они выйдут.» – Я сразу бросился к молодым учительницам, почти шёпотом уговаривая их согласиться и не возобновлять выяснение отношений, совершенно ненужное и напрасное, и они не стали сопротивляться и тихо покинули кабинет. Но намного сложнее оказалось дело с третьей учительницей, постарше: она явно давно враждовала со старушкой, и лишняя порция оскорблений, которая перепала ей совершенно напрасно, оставалась заметным раздражителем, и только упоминание газеты, от чьего имени я как бы пришёл в школу, произвело наконец впечатление, и она вышла за дверь.

«Ну зачем вы так, Татьяна Сергеевна?...» – «Как же – нужен он мне, забудыга старый, пьяница опустившийся, так бы и пристукнула...» – Она подняла маленькие кулачки и помахала в воздухе. – «Ладно, пишите.» – Я быстро достал блокнот и ручку и торопливо стал заносить то, что она диктовала. – «Только не рассказывайте ему, что здесь было.» – Я твёрдо пообещал. – «Вы уж извините меня, Татьяна Сергеевна, что я вызвал такие неприятные воспоминания, так уж получилось.» – Я разливался бы и дальше, внутренне сочувствуя случайно обиженной старой женщине, но неожиданно резко открылись двери и в учительскую зашли сразу несколько человек: сначала две женщины, уже немолодые и достаточно нарядно выглядящие, потом красивый мужчина

с усиками и ещё одна женщина, старше их всех. Первые двое были, судя по всему, директор с завучем, а по виду оставшихся сложно было понять: кто они? – но почти наверняка они не представляли для моей работы какой-то пусть минимальной ценности, и знакомством с ними я собирался пренебречь. Пока они заходили и осматривались, старая учительница прошла вдоль стенки и осторожно выскользнула из кабинета, оставив меня наедине с гостями. Одна из женщин достала ключ и стала открывать дверь в глубине кабинета, где висела табличка «директор», а вторая недолго присматривалась ко мне, и наконец подошла ближе. – «Это вы пришли по делу? Мне тут сказали...» – «Да, я насчёт Р. А вы – завуч?..» – «Да. Что вы хотели конкретно?» – «Видите ли, я собираю материалы об Р., максимально достоверные и желательны полные. Школа, естественно, то место, которое нельзя ни в коем случае обойти, ведь здесь он формировался, рос у всех, можно сказать, на глазах, и поскольку его родителей уже нет в живых, то совершенно логично, что начинать надо со школы.» – «Хорошо. Но сейчас у нас комиссия из района, – она скосила глаза на двоих оставшихся не при деле, – и придётся вам подождать... А вообще-то знаете что, – она чуть задумалась, – присоединяйтесь к нам. Мы вас тоже используем.» – Я не очень хорошо понял, что она собиралась использовать и в каком качестве, но общее предложение выглядело благоприятно и давало мне хорошие шансы на успех.

Директор наконец открыла кабинет, и двое членов комиссии зашли вслед за нею. Мы остались вдвоём, и завуч подошла к двери в коридор и пару раз повернула собачку, закрываясь изнутри. — «Это зачем?» — «Чтобы не мешали. Знаете что, вы пока побудьте тут, а если кто-нибудь постучится и скажет, что из комиссии, вы ему откроете — хорошо?» — «Ладно.» — «Но только из комиссии.» — Я был немного удивлён таинственностью, но выполнение такой незначительной просьбы вело меня к достижению цели, и почему было не выполнить её? Я встал у двери, а завуч прошла в кабинет директора, где шла негромкая беседа, и закрыла за собой дверь. Беседа стала громче, но я всё равно ничего не мог разобрать, да и не хотелось подслушивать чужой безразличный мне разговор. Я подошёл к стене, где под портретами знакомых и неизвестных мне деятелей висело две огромные доски: на одной оказался прилеплен огромный лист ватмана с расписанием занятий педагогов, по которому совсем недавно учительница давала мне советы; судя по обозначениям, в школе работали три кандидата наук, один заслуженный учитель и ещё многочисленные педагоги с какими-то странными и непонятными титулами и обозначениями. Ясно было, что в обычной школе не могло появиться такого созвездия, и то, что Р. кончал именно эту школу, выглядело совершенно естественно и оправданно: он принадлежал к будущей элите, и кому как не могучему рассаднику мудрости и знаний было выпускать в жизнь мощные и самобытные характеры и

таланты.

Вторая доска оказалась увешана мелкими бумажками и страницами чуть побольше: на них были напечатаны и написаны от руки объявления и приказы, имевшие значение в-основном для учителей, с поздравлениями или реже объявлением выговоров и замечаний, но для школьников здесь тоже имелась кое-какая нужная информация: сообщалось о штрафе, наложенном на двоих семиклассников за разбитое в туалете стекло, а команда шахматистов младших классов поздравлялась со вторым местом на городской олимпиаде, и кто-то из них за выдающийся результат отмечался особо; как всё это напоминало мою школу: и можно было позавидовать всем, кто здесь учился.

Я стоял у доски и рассматривал помещённые на ней материалы, и не сразу осознал, что в дверь стучат. Стук был вежливый, но настойчивый: голоса в кабинете директора выжидательно замолчали, и мне пришлось вспомнить о просьбе: дверь в кабинет директора приоткрылась и в просвете показалась голова завуча, и я быстро подбежал к двери в коридор. – «Кто там?» – За дверью неприятно сопели. – «Вы, случайно, не из комиссии?» – «Да.» – Голос принадлежал мужчине, и можно было подумать, что человек только что занимался бегом. Я обернулся к завучу и согласно кивнул, показывая, что пришли те самые люди, завуч кивнула мне в ответ и скрылась в кабинете, а я открыл дверь и отошёл в сторону.

Вслед за высоким толстяком в комнату ввалились ещё три

человека: две пожилые женщины зорко оглядывались по сторонам, рассматривая обстановку, и последней шла женщина помоложе, тащившая огромную сумку. – «И где же все?» – Толстяк недовольно обернулся в мою сторону. – «И почему вы закрываетесь?» – «Меня попросили: чтобы не мешали посторонние. А директор вон там.» – Я пошёл к кабинету и постучал. Некоторое время там что-то ещё шуршало, а члены комиссии за спиной нервно переступали, и наконец дверь открылась: первым вышел молодой мужчина, а потом его напарница и завуч. Мужчина подошёл к толстяку и пожал руку. – «Всё нормально?» – Мужчина с усиками похлопал себя по вздутому карману и улыбнулся. – «Ну слава богу. А когда стол накрывать будем?» – Мужчина встал на цыпочки и зашептал толстяку на ухо, глядя одновременно на меня: излишняя откровенность толстяка была ему неприятна, и он, видимо, уговаривал его поменьше выступать. Толстяк хитро посмотрел в мою сторону, и снова сказал в полный голос – «да ладно» – но потом подошёл ко мне. – «А вы кто будете? Что-то я вас не узнаю.» – «Я, собственно, пришёл к завучу – Елене Сергеевне – по делу. А вообще я из газеты.» – «Из газеты?» – Он насторожился. – «И что за дело такое?» – Только теперь завуч заметила осложнение и пришла на помощь. – «Я забыла представить: это журналист, которого интересуется Р. Вы помните, я рассказывала, что он наш выпускник – и видите – как им до сих пор интересуются?» – «Да?! Не ожидал, не ожидал. А он человек надёжный?» – Завуч взяла тол-

стяка под руку и повела в сторону, что-то объясняя и доказывая; не сразу, но постепенно он стал, похоже, соглашаться и наконец сдался, и когда они двинулись в мою сторону, я разобрал слова толстяка – «ну пусть остаётся», – и завуч подошла уже ко мне и коротко объяснила, что у них намечается небольшой банкет, и уйти с него, чтобы удовлетворить моё любопытство, она никак не сможет. Я сразу вежливо поблагодарил: делом можно было заниматься и во время застолья, и таким образом я не терял день и одновременно мог нормально пообедать: бутерброды в сумке были, конечно, неравноценной заменой полному обеду.

Гости уже спокойно расхаживали по комнате, женщины разгружали сумку: там лежали консервы, сыр, хорошая колбаса и много чего другого, но показавшаяся наконец директор приказала нести всё в её кабинет. – «И как насчёт проверки?» – Она выглядела на самом деле озабоченно: видимо, проверка и была главной целью комиссии. – «И потом, сейчас ведь занятия, и кто-нибудь может зайти, а от всех записаться бессмысленно.» – «Ну зачем такие формальности?» – Теперь вылез молодой мужчина с усиками. Переговоры он взял на себя: похоже, он был тут главным. – «Мы вам доверяем. И знаете что, отпускайте всех по домам.» – Он помолчал. – «Или, чтобы не к чему было придаться: оставьте два старших класса на одно занятие, и мы пошлём туда, – он поискал глазами, – ну хотя бы Нину Ивановну и Виктора Семёновича.» – Толстяк возмущённо засопел. – «Меня? По-

чему опять меня?» – «Для равновесия, Виктор Семёнович, для равновесия. И потом – вы у нас математик, самая пространённая область, так сказать. Посмотрите, – обратился он к директору, – нет ли у вас сейчас математики и истории. Так что всё очень логично.» – Директор подошла к доске. – «Алгебра у десятого «а» и история у седьмого «в» – как раз.» – «Ну и замечательно. А мы тут пока займёмся подготовкой.» – «Тогда надо объявить по радио. А продлёнка на четвёртом этаже чтоб не вылезала из классов.» – «Объявите, объявите.» – Директор быстро вышла из комнаты, и через несколько минут по коридору что-то прогудело, раздались хрипы, покашливания, и нечёткий плывущий голос объявил о радостном для школяров событии. Некоторое время ушло, видимо, на обдумывание и осмысливание новости, и потом всю школу – с первого до последнего этажа – заполнил топот и визг, и довольный рёв шумной толпы, которая – спускаясь с самого верха – всё набирала мощь и обороты, и наконец выплеснулась на первый этаж, минут десять побурлила в самом низу и схлынула, оставив здание почти необитаемым.

«Вот как, – насмешливо сказал молодой мужчина, – а если бы мы там стояли, нас ещё и смели бы.» – Он подмигнул завучу. – «А вы хотите, чтобы мы аттестовали школу на самом высоком уровне. Ладно, ладно, шучу.» – Он ещё раз подтвердил несерьёзность своего заявления, мигнув уже другим глазом. – «Все мы люди, и должны понимать друг друга. Ладно, кое-кому тут надо делом заняться. Урок через пять минут,

по-моему?» — «Через три.» — «Давайте, давайте, поторопитесь, а то педагоги небось страдают и ждут грома небесного, но вы там не очень придирайтесь. В каких аудиториях будут занятия?» — Завуч снова подбежала к стенду и подробно объяснила, кому куда идти и как зовут каждого из учителей, отдаваемых на заклатие. Одна из пожилых женщин сразу вышла, толстяк же стал бурчать, но вынужденно подчинился, и мне стало немножко жалко тот класс, где сейчас должен был начаться урок алгебры, и учителя, явно не ожидающего появления такой большой и жирной злой обезьяны.

Директор вернулась через пять минут, когда мы уже приступили к подготовке банкета: всем распоряжался мужчина с усами, видимо, главный в комиссии. Он суетился больше всех, и хотя и не делал ничего своими руками, понять его было можно: он так надсаживался и нервничал, что к возвращению директора немного охрип и руководил, усевшись в кресло в углу комнаты. Завуч и женщины постарше сгребали журналы и всё, что заваливало столы, и относили груды бумаги в кабинет директора. Они же занимались стульями, а на мою долю вместе с самой молодой из проверяющих выпало самое сложное: носить и сдвигать столы, расставленные рядами, в одну сплошную прямую линию, чтобы сделать единое пространство. Директор вынесла из кабинета большую, расписанную узорами скатерть; когда мы закончили возню со столами, скатерть положили на получившийся помост и постепенно расстелили на всю площадь: только с одного кон-

да оставался незакрытым самый кончик.

Предварительная часть оказалась закончена, и все занялись непосредственно столом: опять-таки в кабинете директора были обнаружены запасы еды и напитков, и той посуды, которую предполагалось использовать. Распорядитель, развалившийся в кресле, наконец отдохнул и занялся делом: ему поручили нарезать колбасу, и он с наслаждением кромсал длинный толстый батон, пока остальные переносили посуду и расставляли её на столе. Мне досталось тоже серьёзное задание: предстояло разделать селёдку, две здоровые жирные рыбины, от которых все отказывались. От них сильно и терпко пахло, возможно, они были перенасыщены специями, но я любил рыбу и хотел чем-то помочь.

Бутылок было выставлено не слишком много: по одной с водкой, коньяком, шампанским и не слишком крепким вином, но когда я покончил с рыбой и попал наконец в кабинет директора, обнаружил ещё целую батарею. Они скромно стояли за дверью, и только там – в самой глубине – стала заметна основательность подготовки. Работа кипела, и все были поглощены ею, как будто именно в ней состоял смысл их сегодняшнего дела. Председатель перешёл от колбасы к ветчине, директор занималась мясным салатом, одна из проверяющих – кальмарами, а самая молодая вскрывала консервные банки: у неё получалось это лучше, чем у других. Мне вручили сумку с фруктами и овощами, и вместе с завучем мы вышли в коридор, чтобы помыть их в ближайшем туалете.

те. Наконец-то мы остались один на один, и я мог приступить к своему делу. – «И часто у вас такие банкеты?» – «Обычное дело. Этот ещё не самый шикарный, хотя и обошёлся в полтора миллиона.» – «Полтора миллиона?! Что-то я не верю.» – «Если со всеми расходами. Но об этом необязательно всем рассказывать.» – Она мыла в раковине апельсины, и на секунду отвлеклась и насмешливо посмотрела на меня. – «У вас были ко мне вопросы?» – «Да, конечно.» – Я начал наконец начал возвращаться к своей задаче. – «Во-первых: вы, конечно, знали Р. лично?» – «В-общем – да, хотя кто мог предположить, что он достигнет таких высот.» – «То есть?» – «Когда я пришла сюда, он заканчивал школу, ему оставалось всего два года до выпуска.» – «И вы вели у него какой-то предмет?» – «Да, конечно, химию: это ведь моя область. Но у меня хорошая память: так что спрашивайте.» – «Ладно: вы пока будете просто рассказывать, а запишу я всё потом.» – «Хорошо. С чего начнём?» – «Давайте с родителей. Кем они были, какими. И ещё: вы с ними встречались?» – «Раза два или три – с матерью. Она ведь не работала, и могла заниматься сыном, сколько хотела.» – «Не работала? В те времена это много что значило.» – «Да, его отец был военным, полковником, и полностью обеспечивал семью.» – «А мать?» – «Красивая брюнетка, достаточно высокая. Она не была то, что называется наседкой, нет, у неё был явно хороший вкус и воспитание, и, насколько мне известно, она когда-то работала актрисой, но быстро вышла замуж.» – «Красавица?» –

«Да, безусловно; и ничего удивительного, откуда у него способности. Хотя характеры они имели разные.» – Я слишком хорошо знал о пьянках и скандалах Р.: видимо, его склонности проявлялись с детства, и не было ничего удивительного в том, что огромная энергия находила выход, и далеко не всегда в положительном направлении. – «А что она кончала и где играла – вы не знаете?» – «Что кончала – понятия не имею, возможно: что и ничего – а играла где-то в провинции. А потом – познакомилась с будущим мужем, и дальше – всё бросила и уже нигде и никогда не работала.» – «А давно они переехали в Москву?» – «Видимо, перед самой войной – за год или два. И тогда же родился Р.» – «Кстати, а о других родственниках вы ничего не знаете?» – «Нет, абсолютно ничего. Возможно, братьев и сестёр у его родителей и не было.» – Слова подтверждали мою информацию, и заставляли вспомнить книгу А.: примерно так в ней всё и выглядело, но такая степень проникновения вглубь меня не устраивала, и надо было копать дальше. – «Хорошо, а теперь расскажите, пожалуйста, что вы знаете об отце.» – «Я ни разу его не видела, да и с чего бы он стал приходить? Он был полковником...» – «Каких войск?» – «Честно говоря, не знаю...» – «Случайно, не НКВД, или может – других спецслужб?» – «Вы слишком много хотите: честно говоря, не знаю.» – Она искоса посмотрела на меня. Пока мы трепались, она перемыла почти всё и теперь складывала фрукты и овощи горкой на два больших блюда. – «Разве вас не предупреждали, что отца лучше не

касаться?» – «Нет.» – Она хмыкнула. – «Ну ладно. Если коротко, он постоянно находился на работе, и Р. редко его видел. А что касается характера, возможно, он был и не подарок, но мать смягчала его. Ладно, берите блюдо и пойдём.» – Она закончила работу и взяла блюдо с помидорами и огурцами. Мне досталось второе, заваленное яблоками и апельсинами, с поставленным на вершине спелым ананасом. Она же захватила и пакеты, и мы двинулись обратно, и мне было уже не до разговора, потому что ананас всё время раскачивался, и надо было следить за ним и балансировать тяжело нагруженной посудиною.

Подготовка к банкету заканчивалась, пустые тарелки и тарелки с салатами и остальной едой уже стояли на столе, а председатель комиссии развалился в кресле и о чём-то трепался с директором. Делом занимались только самая молодая из женщин: она резала хлеб, белый и чёрный, и рядом на подносе уже лежала разноцветная горка, но она делала запасы побольше. Гости отдыхали в ожидании конца занятия, и, освободившись от груза, мы устроились в другом углу, в тишине и спокойствии.

«И долго ещё ждать?» – Я выразил нетерпение. – «Да нет.» – Завуч посмотрела на запястье с маленькими часиками. – «Минут десять. Но нам всё равно некуда спешить, и раньше шести это вряд ли кончится.» – «У вас, насколько я понял, аттестация школы?» – «Да.» – «А почему председатель комиссии такой молодой? Ему, по-моему, и сорока

нет.» – «А он не председатель. Председатель – вон та женщина, самая старшая.» – «А кто он такой?» – «Просто член. Но у него папа в министерстве.» – Она замолчала и многозначительно посмотрела на меня, потом отвернулась и почти нехотя сказала. – «Так что у нас всё очень серьёзно... Но вы ещё хотели что-то узнать?» – «Да, мы говорили про родителей. Более-менее я понял... Кстати, а Р. не посещал какой-нибудь драмкружок?» – «Нет, в школе такого просто и не было тогда, а где-нибудь ещё – вряд ли. Насколько мне известно, его интерес к актёрской профессии проявился уже после, в школе же он ничем особо себя не проявлял.» – «А как насчёт собственно школьных успехов?» – «Он был, конечно, способный мальчик, но старательности ему явно не хватало. Я не говорю работоспособности – нет, если он ставил себе задачу, то обычно справлялся с нею. И памятью обладал очень даже приличной. Был такой случай: то ли в восьмом, то ли в девятом классе он выучил страниц тридцать или сорок из «Евгения Онегина» и устроил настоящее представление на уроке литературы. То есть всё, что он любил, он делал превосходно.» – «А что не любил?» – «По-всякому. Мог получить и «отлично», и «хорошо», и даже «удовлетворительно» – если совсем уж халтурил. Но такое случалось нечасто.» – «И какие же предметы он любил больше?» – «Возможно как раз литературу. Но ярко выраженным гуманитарием он не стал. Если мне не изменяет память, то в аттестате у него примерно равновесие: половина «пятёрок»

и половина «четвёрок». И, конечно, языки.» – Это выглядело логично, и я хотел продолжить расспросы, но в коридоре неожиданно зазвенело, и завуч поднялась, извинившись за временную отлучку. Она коротко поговорила с директором, потом с женщиной, принятым мной за председателя комиссии, и уже вдвоём с женщиной они вышли в коридор.

Вернулись они минут через двадцать – уже впятером: позади завуча и женщины, посланной инспектировать урок, в учительскую вползли толстяк и мнимый председатель, уговаривавшие и почти тащившие одну из двух учительниц, которую я встретил в самом начале визита в школу: ту, что выглядела помоложе. Она упиралась и тихо лепетала, но лжепредседатель держал её под локоток, а толстяк подпихивал сзади, и так они, видимо, и шли всю дорогу, препираясь и что-то выясняя. Они стояли в дверях, и учительница неожиданно остановилась и затормозила уже по-настоящему, и тогда завуч обернулась и сказала строго. – «Мария Сергеевна, не забывайте, что по расписанию у вас ещё два урока.» – Учительница сразу сникла: она добрела до стула и села. Меня она не заметила, я мог только посочувствовать ей, хотя и не понимал причин противодействия: приглашение в такую компанию могло выглядеть как поощрение, выделение её среди других преподавателей, и глупо было отказываться и портить отношения с людьми, от которых зависела её работа.

Занятия кончились, и проверка – насколько я понимал –

уже тоже подошла к завершению, хотя и заранее было ясно, что она станет чистой формальностью. Директор, завуч и вернувшиеся члены комиссии устроились за единственным свободным столом, занимаясь подведением итогов, а я смотрел в другой угол, где сидели молодая учительница и мужчина с усиками. Она казалась явно расстроенной и не старалась скрыть это, а мужчина не обращая внимания что-то нашёптывал и улыбался, мерзко и противно, как будто такая улыбочка могла ей понравиться или хотя бы произвести впечатление; меня она пока не видела, но ещё неизвестно было, как она прореагирует на моё присутствие в компании: хотя при знакомстве и первом появлении в учительской она явно симпатизировала мне, последующий резкий уход и изменившаяся ситуация не могли не сказаться, и явно неприличное поведение мужчины с усиками должно было способствовать появлению у неё совершенно другого настроения.

За столом наконец разобрались с бумагами, и по общему шуму и волнению я понял, что дела завершены и можно приступать к застолью. Все ходили и говорили, обсуждая, кто где сядет и кому с кем рядом лучше находиться, чтобы никто не остался обиженным и обделённым и в то же время были соблюдены видимые приличия и приоритеты: директору в конце концов досталось место во главе, рядом с одной стороны сидела председатель комиссии, с другой – мужчина с усиками, настоявший на своём и усадивший дальше молодую учительницу; примерно в середине напротив среди

женщин устроился толстяк, а я замыкал стол, сев рядом с завучем, что было совершенно понятно и оправданно. Пока все ходили и рассаживались, учительница не поднимала глаз: только потом она, похоже, смирилась, и когда директор встала – чтобы открыть банкет – учительница как бы проснулась и равнодушно огляделась. Когда она дошла до меня и наши взгляды встретились и пересеклись, она замерла и под монотонное гудение во главе стола её глаза стали выразительнее и добрее, хотя я заметил и удивление; она машинально взяла рюмку с чем-то крепким, протянутую назойливым соседом, и когда голос смолк, выпила залпом и неожиданно громко поперхнулась.

Сосед уже подсовывал ей бутерброд с ветчиной, а мне пришлось заняться ближайшим окружением: простая вежливость требовала, чтобы я ухаживал за завучем, достаточно приятной и нестарой женщиной, к тому же связанной со мной делом, которое я надеялся продолжить. Явно недостаточными выглядели сведения, добытые и уже записанные во время недолгой передышки, и требовалось идти вглубь, насколько это было возможно при явной осторожности, с которой завуч посвящала меня в подробности и детали. Видимо, осторожность связывалась с престижем школы, но в любом случае такое отношение вызывало подозрение, что далеко не всё так чисто и безопасно, и к любым сведениям надо относиться критически.

Я налил соседке вина, она поблагодарила, и мы верну-

лись к тому, что привело меня в школу. – «Извините, а у вас не осталось случайно дневников или тетрадей Р.? Они очень могли бы помочь, ведь это даёт так много для понимания характера, и если бы мы проследили за постепенным развитием даже по таким вроде незначительным предметам, наверняка удалось бы выявить процесс созревания и роста...» – «Нет, у нас ничего не сохранилось.» – «А журналы?» – Она молчала. – «Разве школьные журналы выбрасываются вместе со всеми незначительными бумагами и документами?» – «Знаете, лучше не касаться таких вещей. Да и что вам они дадут? Разве полученное от меня не устраивает вас? А журналы – ну что журналы...» – Она явно старалась уйти от ответа, как будто там скрывалось что-то существенное, чего нельзя знать посторонним людям; либо это было связано с поведением, либо она откровенно врала, расписывая школьные успехи бывшего воспитанника. Надо было или обострять отношения, пытаясь всё-таки добиться правды, или спустить дело на тормозах и заняться выяснением остального: в конце концов оставался запасной вариант в виде бывшего классного руководителя Р., вряд ли сделавшего попытку скрыть правду.

«А какие отношения у него сложились с одноклассниками и учителями?» – «С учителями – хорошие, почти со всеми...» – «И с вами тоже?» – «Да, конечно...» – «А с кем – плохие?» – Она недовольно уставилась на меня. – «Но вы же понимаете, он был такой артистической натурой, иногда он

позволял себе вещи, встречавшие не слишком хороший приём у некоторых, особенно пожилых учителей, привыкших к строгой дисциплине...» – «Так значит с поведением у него были сложности?» – «Нет, я бы не стала это называть именно так, просто иногда он мог опоздать на занятие, или во время самого занятия отмочить шутку, над которой смеялся весь класс.» – «И его наказывали?» – «Самое большое – вызовом родителей в школу. Это было раза два или три, и приходила, конечно, мать, но потом неприятности для него кончались.» – Пока мы обсуждали поведение Р., вокруг вас тоже не скучали: разошедшийся толстяк рассказывал анекдоты и какие-то истории из своей жизни, над которыми визгливо и шумно смеялись, вплоть до директора и председателя комиссии, и время от времени вылезал мужчина с усиками и вставлял сальные и неприличные шутки, после чего веселье разгоралось ещё больше; но не у всех они вызывали такой восторг: молодая учительница, на которую мужчина с усиками бросал обволакивающие неприятные взгляды, сидела настороженно и криво улыбалась, не решаясь прервать его или возразить. Заметно было, что беседа не вызывает у неё восторга и интереса, и она просто вынуждена слушать непристойности, не придавая им никакого значения. Возможно, она и хотела бы уйти, но строгое предупреждение в начале застолья не давало ей такой возможности, и оставалось прикидываться заинтересованной и высиживать до конца банкета.

«А как насчёт друзей Р.? Насколько мне известно, его всегда любили и окружали люди, и он часто бывал душой компании – во всяком случае в поздние годы. Вы не знаете случайно, поддерживал ли он отношения с кем-нибудь из бывших одноклассников?» – «Он был безусловно общительный мальчик, да, его конечно же любили – и одноклассники, и одноклассницы...» – «Да? А нельзя ли поподробнее...» – Она замялась и отхлебнула из рюмки. Я быстро допил и стал выжидательно смотреть, как она закусывает мясным салатом и ветчиной, но она явно не торопилась, и я тоже занялся едой, посматривая по сторонам на обедающих гостей, давно уже забывших о моём существовании и не стесняющихся разевать широкие рты и громко и смачно смеяться над очередной шуткой толстяка или мужчины с усиками. Они совершенно не стеснялись, как будто я стал своим человеком, и выбалтывали старые служебные секреты: одна из женщин осталась крайне недовольна банкетом недельной давности, где, оказывается, ей достался не тот подарок, на который она рассчитывала, и она мстительно мечтала о следующем визите в ту школу, а толстяк всё вспоминал случай месяц или два назад, когда после излишне обильного угощения у него случился заворот кишок, и два или три дня он ещё напрасно мучился и приходил в норму. Им явно было что вспоминать, но и директор не оставалась в стороне и согласно поддакивала в нужных местах, хотя и не опускалась до грубостей и пошлостей соседей за столом. Они веселились и отдыхали

от трудов праведных, только что законченных и оставленных позади, как будто именно в этом веселье крылся смысл их прихода в тёплый весенний день в школу, а сама школа и то, что было её делом и сутью – слишком мелко и ничтожно и не может идти ни в какое сравнение.

Вполне возможно, что директор и завуч думали по-другому, но они не выражали своего мнения и молча продолжали поглощать одну закуску за другой. После мясного салата настала очередь лосося, потом подошли кальмарчики с рисом и варёным яйцом, что оказалось очень даже неплохо приготовлено и украшено. Селёдку – судя по всему – завуч не любила, но зато она обожала овощной салат из помидоров, огурцов и перца, и мне постоянно надо было следить, чтобы он не кончился на её тарелке. Завуч молча выражала одобрение, она просительно кивала и давала понять, что ей нужно дальше – налить вина или подать хлеба – и тоже прислушивалась к общей беседе, не вступая в неё.

А за столом верховодили те же двое: толстяк и молодой мужчина с усами. От историй и скандалов они перешли уже к анекдотам, выдавая иногда нечто совсем уж скабрёзное, от чего заливался весь стол, трясаясь и захлёбываясь в приступах смеха, и почему-то именно на самые грубые шутки реагируя сильнее всего. Только молодая учительница, с которой я время от времени обменивался взглядами, выглядела смущённой и улыбалась в ответ: она не могла совсем отказаться от общения, и шутки – пусть и грубоватые – за-

бавляли и развлекали её.

Наконец завуч насытилась и отодвинулась от стола: она была готова продолжать беседу, и я, уже какое-то время ску-чавший и не знавший, чем заняться, сразу приступил к де-лу. – «Мы говорили о друзьях и одноклассниках Р., и вы ещё упомянули его одноклассниц...» – «Да? Ну что же. Насчёт друзей: был в классе такой Андрей Филиппов: лучший друг. Причём если Р. был трепло и сорвиголова, то Андрей на-оборот: тихий и прилежный. Чем-то они там вместе занима-лись: то ли авиамоделированием, то ли спортом.» – «А могу я найти этого Андрея?» – «Вряд ли. В школу он не приходит, хотя его можно понять: какая школа в его возрасте?» – «А насчёт одноклассниц?» – «В те годы всё выглядело строже – по сравнению с тем, что сейчас – но поклонницы у него были, и не одна. Но только поклонницы.» – Она сверкнула глазами. – «Ничего подобного тому, что происходит сейчас, раньше и представить нельзя было! Вообще он безусловно выделялся – во многих отношениях – и кроме того не от-личался особой стеснительностью. А для тех времён он был просто, – она неожиданно хихикнула, – ловеласом. До че-го-то серьёзного дело не дошло, но сами понимаете, какие у него возникали сложности.» – Это было ясно и вполне со-гласовывалось с дальнейшей жизнью Р.: бесконечные любов-ницы, от которых он позднее вынужденно укрывался в лоне семьи, заставляли его переходить от одного брака к друго-му, с неизбежными скандалами и выяснениями отношений,

почти не оставлявшими времени для спокойной семейной жизни, но таким был его характер, и неизвестно, стал бы он великим актёром без этих драм и трагедий, иногда перераставших в глупые фарсы. Возможно следовало простить его, и – во всяком случае – я просто обязан был понять пружины и мотивы его действий, часто достаточно импульсивных и внешне неорганизованных, но безусловно вытекающих из главных качеств и особенностей его личности. – «Ну и конечно, как везде, в классе была первая красавица – Ира Семинина. Так вот – она тоже не удержалась, и единственный из поклонников, к которому она отнеслась как к равному – как раз стал Р. Весь класс, наверно, следил – чем же у них кончится, но они почему-то резко разошлись, и никто не знает почему.» – Её осведомлённость поражала, это выглядело вообще удивительно: откуда завуч, тогда молодая учительница, могла знать такие подробности, неужели она следила за ним? и не было ли здесь чего-то тайного, что связывалось уже с нею самой: не попала ли она сама, молодая учительница, под обаяние раскрывающейся личности? – и тогда становился ясным её интерес к Р. и такая хорошая сохранность фактов тридцатилетней давности. Здесь было над чем подумать и в чём покопаться, но ещё неизвестно – как она отнеслась бы к таким раскопкам, и я решил вернуться к более безопасным и простым вещам. – «Скажите, а где сейчас эта Ира?» – «К сожалению, она недавно погибла: об этом и в газетах писали. Но вообще они – она и Р. – стали лучши-

ми в классе и дальше всех пошли.» – «Что-то я не слышал о ней...» – «Ну как же: она стала известным общественным деятелем, а три года назад разбилась на машине. У неё была фамилия мужа... И как это получается, что лучшие всегда умирают первыми. Ладно, давайте выпьем за них.» – Она подняла бокал и дрожащей рукой поднесла его к моему месту скорби и легонько ударила по краю, а потом медленно выпила до дна, и я тоже не мог не присоединиться и не почтить память моего героя и заодно всех других, так много сделавших и обещавших в будущем и так рано ушедших из жизни, оставив потомкам добрую и светлую память.

Но завуч не могла, видимо, слишком долго думать о грустном, через минуту она успокоилась и прислушивалась уже к разговору на другом конце стола: председатель комиссии и мужчина с усиками обсуждали возможность немножко развеяться и заняться танцами. Пожилая женщина выступала против – возможно, ей казалось слишком уж большой вольностью такое занятие, а возможно – было просто ей недоступно – и тогда её отказ становился обычным упрямством. Остальные пока прислушивались, только толстяк иногда поддакивал напарнику, не выражая открыто своего мнения, но можно было не сомневаться, что все или почти все будут на стороне мужчины, предлагающего всего лишь продолжить то, что уже шло давно и не выходило слишком далеко за рамки. Даже учительница выглядела не так равнодушно и отстранённо, она больше не косилась на

соседа и с интересом наблюдала, чем же кончится спор: мужчина напирал так резво, что почти не оставалось сомнений в его победе, и вопрос был только во времени.

Наконец председатель сдалась, она ещё делала вид, что против – уже по объективным причинам. – «А где вы возьмёте музыку?» – «Как же без музыки? Музыка давно готова.» – Мужчина заскочил в кабинет директора: стоя на пороге, он держал в вытянутой руке импортный компактный двухкассетник, и тогда уже все стали отодвигать стулья, отягощённые долгой непрерывной едой, в которой настал долгожданный перерыв.

Записи были старые, хотя и западного происхождения, и далеко не все умели танцевать под такую музыку: председатель и одна из женщин сразу отошли в сторону, а остальные собрались в виде небольшого кружка и усиленно делали вид, что танцуют. Почти у всех получалось что-то странное: толстяк дёргал рыхлым телом, завуч и директор топтались на месте, а ещё одна женщина – видимо, перепившая – приседала и вставала, извиваясь как длинный толстый червяк. Прилично держались мужчина, похоже, любивший это занятие, учительница и самая молодая женщина из комиссии, ещё не забывшая окончательно то, что когда-то умела: они и конечно я составляли рациональное ядро в шумной и беспорядочной куче: женщина, странно приседавшая, быстро устала и плюхнулась в пустовавшее кресло, а завуч с директором уже просто стояли, не решаясь пока окончательно

отойти в сторону, но явно выпав из круга. Пыхтел ещё толстяк, но слишком грубо и неумело, и по-настоящему оставались только мы четверо: я бросал взгляды на учительницу, но она уже не отвечала, захваченная музыкой и высокой божественной игрой, которую она вела с разошедшимся партнёром, явно не собиравшимся устать и кончать с утомительным занятием; она, видимо, тоже любила танцы, и включилась по-настоящему. Скоро отстал и толстяк: он явно не рассчитал сил и теперь с трудом дышал и отдувался на стуле рядом с магнитофоном; багровое лицо предвещало трудности с сердцем, и он пока пил газированную воду, чтобы компенсировать потерю влаги. Потом сели директор с завучем, почти одновременно, ожидая, когда же кончится музыка, слишком сложная и быстрая: оставались только мы вчетвером, но и у меня начали устать ноги, и стало ясно, что конец недалеко. Понемногу это подтверждалось: вторая женщина чуть-чуть сникла, уже не так охотно она двигалась под музыку, пока почти совсем не остановилась. Почти сразу кончилась очередная песня, ещё немного мы стояли в ожидании следующей, но кассета щёлкнула и включила автостоп. – «Ладно, сделаем перерыв.» – Главный танцор великодушно разрешал всем то, что они и так уже получили, и толстяк выключил магнитофон, и, покопавшись в сумке, достал другую кассету. Тихо звучало что-то старомодное, а я пил газированный напиток и с удивлением следил, как вежливо и аккуратно мужчина с усиками берёт учительницу под руку и выводит в ко-

ридор. Она не сопротивлялась, но что-то мне не нравилось в этой настойчивости и целеустремлённости, они были похожи на вежливость и заботливость мясника по отношению к откормленному и ещё не зарезанному бычку, и я внимательно смотрел на закрывающуюся дверь и лица сидящих усталых сотрапезников. Судя по всему, никто не обратил на это внимание, гости и хозяева пили или закусывали фруктами, и даже толстяк – старавшийся не отставать от сослуживца – был занят сочным ананасом. Я ещё выжидал, не зная, как поступить, но потом мне надоело такое тёмное и непонятное выжидание со стороны оставшихся за столом, и я тихонько встал и вышел в коридор, стараясь не привлекать лишнего внимания.

В самом коридоре никого не было, и только по звуку я смог понять, где надо искать ушедших: негромкий шорох и шёпот доносился с лестницы, прерываясь и потом снова возникая, расползаясь еле слышным эхо по паркетному полу и закоулкам коридора. Я медленно и осторожно начал приближаться, шум становился яснее и разборчивее, можно стало даже понять отдельные слова и фразы, но общий смысл был ещё трудноуловим, и я двинулся дальше.

Они стояли за стеной, у лестничной площадки, и тихо говорили, и лучше был слышен голос мужчины. – «Ну не надо, пустите, я сейчас уйду отсюда.» – «Зачем тебе уходить, разве тебе здесь плохо, глупенькая, разве я не говорил тебе, что всё это ради тебя, а семья – ну что семья?» – «Какой вы, од-

нако, опасный, я и не знала. А та учительница из двадцатой школы?» – «Господи, да кто тебе сказал такую чушь, это всё неправда: если что и было, то так – поверхностно.» – «А ребёнок – тоже поверхностно?» – «Та пойми: если она со мной была не против, то наверняка ещё с кем-то. Не надо сваливать на меня одного. Да и когда всё было? Год назад, и даже больше.» – «А я ещё что-то слышала; какой вы донжуан, так что: здесь номер не пройдёт. И не старайтесь.» – «Солнышко, я же не просто так, ты пойми, я и жениться могу: в случае чего.» – «Слышали мы эти сказки, слышали уже не один раз, только больше в них не верим.» – «А какие у меня возможности – ты знаешь? Я ведь не просто какой-то там, у меня отец – знаешь кто?» – «Слышала, слышала.» – «Ну чего ты здесь достигнешь? Лет в пятьдесят станешь завучем – если повезёт и не сожрёт кто-то ещё, и это предел желаний?» – «Я люблю школу.» – «Этого мало. Милая: надо, чтобы и она тебя любила. Или ты всю жизнь хочешь потратить на сопливых школяров, и чтобы потом – лет в шестьдесят – тебя вышибли на пенсию? Ну а за границей ты была?» – «Пока нет.» – «И никогда не будешь. Потому что люди делятся на две категории: те, на ком ездят, и те, кто ездят. И я могу тебе помочь попасть во вторую группу.» – «Не надо, не хочу я никуда попадать, отстаньте вы с вашими предложениями.» – «Ну зачем так грубо, я говорю совершенно серьёзно, и многие были бы счастливы оказаться на твоём месте, ну что ты сопротивляешься, как малолетняя дурочка, ну дай...» – За

стеной зашуршало, раздался негромкий крик, и потом хлопнула пощёчина, и прямо на меня выскочила растрёпанная учительница, поправляя на бегу кофточку; сзади донеслось тяжёлое злое сопение, и следующим выбежал неудачливый донжуан, держась ладонью за багровую щёку. — «А вы что здесь делаете? Какое право вы имели стоять здесь и подслушивать? Да я вас, да я тебя...» — Он сжал кулак и поднёс к моему лицу, и неясно было, чем может закончиться неожиданное нападение, но далеко по коридору открылась дверь учительской, и по реакции стоящего передо мной я понял, что кто-то быстро приближается к нам.

Это была завуч, перехватившая по пути молодую учительницу и насильно тащившая её за руку в нашу сторону. Донжуан слегка расслабился, но когда завуч оказалась рядом, снова взбеленился. — «Такое-то уважение ваши сотрудники оказывают вышестоящей инстанции, так они нас горячо любят, и после всего вы хотите получить аттестацию на высшем уровне?! Так знайте: ничего вы не получите. Я уж позабочусь, и ваша школа лишится не только что высшего разряда, но и перестанет быть специальной!» — «Ну зачем вы так?» — «Да: какие у нас там были планы? Построить бассейн? Считайте, что вы его уже лишились — в луже можете плавать, или в канаве под забором!» — «Зачем так строго, Сергей Николаевич? Мы сейчас всё обсудим, и тихо всё решим.» — «А этот: кто такой и что он здесь делает?» — Он грубо ткнул пальцем мне в грудь, и я постарался осторожно отвести его руку, но

он зацепился пальцами за рукав и схватился уже двумя руками за кисть моей правой руки, и какое-то время мы осторожно боролись, проверяя, у кого крепче кисти рук. Я оказался сильнее, и он отступил, разозлившись ещё больше. — «Нет, вы видели?! Да я тебя...» — «Сергей Николаевич, это свой человек, он пришёл от А.» — «А кто такой А.?» — «Как же — вы разве не слышали? Большой человек на телевидении, да и с нашим министерством имеет контакты.» — «Я не от А.» — Возможно, я делал глупость, но мне надоело мелкое жульничество и притворство, заставлявшее по каким-то странным сомнительным причинам поступаться правдой и справедливостью. Завуч опешила, она широко раскрыла глаза и странно глядела на меня: можно было подумать, что она сейчас ударит или сожрёт меня. — «От кого же вы?» — «От своей газеты. И сам от себя. Прежде всего.» — «Так что ж вы мне тут...» — «Разве я говорил, что от А.?» — «Да если б я знала, разве я стала бы...» — «Ну как, можно бить?» — Мужчина стал похож на крысу, он был явно разозлён и готов ко многому, и я понял, что мой визит в школу подходит к концу, и надо ещё суметь выкрутиться и не попасть в неожиданную историю, случайную и не обещающую ничего хорошего. — «Я сам уйду.» — Они выжидательно стояли и сумрачно — особенно завуч — смотрели на меня. — «А как быть с этой?» — «Увы, мадам, увы: вы либо договариваетесь с ней, либо мои обещания превратятся в реальность... Так, а этот что здесь ждёт? Может, позвать Виктора Семёновича?» — Я

сразу представил большую жирную обезьяну, и понял, что долго мне не выстоять, помочь же учительнице я не мог ничем: она должна была сама определить своё будущее, и либо расстаться со школой, либо согласиться с тем, что ей предлагалось, и в любом случае я оставался в стороне. Я быстро зашел в кабинет, схватил сумку, лежавшую на одном из шкафов, и не прощаясь с ничего не понимающими сотрапезниками, выбежал в коридор и мимо тихо беседующей троицы побежал к выходу.

Только на следующий день я решил продолжить поиски: после пьянки накануне следовало собрать и проанализировать полученную информацию, и кроме того, тягостное впечатление от школы оставляло слишком сильный след и отпечаток, чтобы в этот же день встречаться и с бывшим учителем. Я был рад, что не проболтался завучу о нём, и почти наверняка она не могла помешать мне найти его теперь и получить недостающее; уже поздно вечером я позвонил к нему домой и договорился о встрече утром, почти ничего не раскрывая и ни о чём не расспрашивая, чтобы не пугать напрасно. Излишняя таинственность и недомолвки начинали злить меня, но тем интереснее выглядел процесс, и это обещало хороший результат, непредсказуемый и не до конца определимый. Насколько я теперь понимал, завуч была связана с А., то есть с тем человеком, на объективность и доброе отношение которого я вряд ли мог рассчитывать, и истина ле-

жала глубже – на более низком основании – и старый учитель безусловно имел к этому прямое отношение. Но даже факты, добытые в школе, давали кое-что новое и заставляли пристальнее подойти к некоторым направлениям: надо было заняться учёбой Р. в школе, его отношениями с друзьями и особенно с отцом, слишком тёмной и неясной фигурой. Реакция завуча заставляла о многом задуматься, и если я совершенно случайно попал в цель и его отец действительно служил в спецслужбе, то ситуация становилась сложной и загадочной: получалось, что отец и сын находились с разных сторон баррикады, что, естественно, не могло не сказаться на их личных отношениях. Но об этом почему-то нигде не упоминалось, и по крайней мере одну сенсацию я мог сделать реальностью.

Учитель жил далеко от школы, хотя тоже в центре города, но не сразу я отыскал нужный мне переулок и дом в глубине двора, серый и закопчённый от старости и пыли. Очень непросто было разобраться в различных указаниях и советах, которые я получал от случайных прохожих, посылавших меня совершенно в разные стороны, и когда я всё-таки обнаружил переулок и добрался до здания, то опаздывал почти на полчаса. Внутри он был тоже загажен, и когда я поднимался по лестнице на четвёртый этаж, требовалось внимательно следить, чтобы никуда не вляпаться и не испачкать пиджак о стены с суровыми и неприличными надписями, прославлениями одних спортивных обществ и оскорблениями других,

не менее известных. Жизнь – судя по всему – бурлила здесь и оставляла яркие следы особенно на стенах, и желательно было как можно быстрее миновать открытую местность, чтобы не столкнуться с другими проявлениями, не такими мирными.

На двери нужной мне квартиры висело несколько табличек с фамилиями и указаниями, кому и сколько раз звонить. Я немного потоптался, доставая книжку с адресом и указанием полного имени, и наконец понял, кто мне нужен. У учителя была странная фамилия – Литвак, а рядом на табличке стояло «ЗР», и я три раза нажал и отпустил звонок, и стал ждать реакции.

Ждал я минуты две или три, за дверью стояла тишина, но наконец с той стороны звякнуло и начала поворачиваться собачка замка: сначала одна, потом другая, не замеченная раньше, и дверь медленно открылась. В тусклом свете передо мной покачивалась невысокая щуплая фигурка, и я не сразу поверил, что это и есть старый учитель: так от него разило перегаром.

«Проходите, проходите.» – «Вы учитель? Литвак Геннадий Николаевич?» – «Ну я, а кто же? Вы ведь три раза звонили? Или я ослышался?» – Он икнул. – «Простите.» – «Ага, значит вы работали учителем в школе и преподавали, если я не ошибаюсь, физику, и вели занятия в том числе в классе, где учился Р.?» – Он пристально уставился на меня, так что я даже не понял, какой реакции от него можно ждать: то

ли он обнимет меня, то ли попробует спустить с лестницы. Но потом он, видимо, успокоился. — «Да, вёл. Но вы давайте, проходите. Нечего в дверях стоять.» — Он развернулся и пошёл вглубь по длинному коридору, обернувшись, когда я вытирал ноги и закрывал дверь, и у третьей двери справа он остановился и посмотрел внимательно по сторонам, и только потом открыл дверь. Он запустил меня внутрь и снова выглянул в коридор, но там стояла тишина, и он осторожно прикрыл дверь и повернул защёлку, чтобы никто не мог войти. — «Соседи, знаете ли, любопытные слишком. Приходится осторожничать. И ещё детишки хороши. Показать вам? Вот...» — Неожиданно он уселся на высокую табуретку, стоявшую у входа и задрал правую ногу, сдвигая одновременно грязный носок. На голени сбоку сиял относительно свежий длинный шрам, и шрам немного поменьше красовался на ступне. — «Это их дело. Капкан поставили, сволочи. Нет, вы можете себе представить, чтобы в наше время в центре столицы великой державы на людей ставили капканы? Хотя так и не нашли — кто. Но я-то знаю. Или, во всяком случае, догадываюсь. И всё почему? Потому что я, видите ли, люблю иногда выпить и прихожу домой не совсем трезвый.» — «А милиция что?» — «А что милиция? Если она убийц не ловит, где уж ей с такими делами справляться. Но мы всё равно знаем, и так этого дела не оставим.» — Он надел носок и поправил сбившиеся тренировочные, и пропустил меня наконец в комнату дальше маленькой прихожей, отделённой шкафом

от остального помещения.

Обстановка в жилище учителя была не слишком шикарная: справа под маленьким настенным ковриком стоял старый просевший диван, слева был шкаф и секретер с книжными полками наверху – главное богатство, и между ними над обширным исцарапанным и заставленным всякой ерундой столом открывалось окно в мир, ставший таким жестоким и враждебным к хозяину. Он и не скрывал этого, длинная тёмно-коричневая штора до самого пола закрывала половину пейзажа, возможно, не слишком привлекательного, и оставляла правый угол рядом с диваном в тени. На диване валялась подушка, и, похоже, учитель только что спал, отгородившись от всех и спрятавшись в своей уютной тёплой берлоге. Он не смутился, когда я заметил бардак на столе и несколько пустых бутылок рядом и только предложил мне стул, а сам устроился на диване.

«Так-так, значит вас интересует Р., насколько я понял?» – «Да, я собираю сейчас материал, чтобы потом сделать книгу, и, возможно, несколько статей. Я ведь вам говорил, какую газету я представляю?» – «Говорили, говорили. А ведь материал есть, и большой материал. Но, – он заметил мой интерес, – не всё так просто. Это будет вам стоить, – он задрал голову, как будто на потолке было что-то написано, – пятьдесят процентов.» – «Какие пятьдесят процентов?» – «От того, что вы получите. И я хотел бы задаток.» – Возможно, моё лицо очень сильно изменилось, и он немного испуганно при-

встал. — «Ну хорошо, можно без задатка. Хотя жизнь, знаете ли, непростая, а какая пенсия — вы знаете? Это после тридцати-то с лишним лет, почти после сорока. Так что приходится.» — Он выглядел уже жалким и ничтожным, сморщенным и дряхлым старикашкой, просившим всего лишь то, что ему когда-то задолжали, и я успокоился. Он сразу сел и уже аккуратно и осторожно начал подлизываться. — «А какой материал — вы знаете? Пальчики облизать можно, и самый достоверный, непосредственно от источника. Я ведь почему так? Я знал, что понадобится когда-нибудь, их можно прямо в музей: смотрите, вот: это журналы, а вот это — дневники, а здесь у нас — тетради — да, даже тетради! и не спрашивайте, откуда они у меня, всё равно не скажу, а если скажу, то не поверите. И разве не стоят они вознаграждения, ведь сколько лет берёг, и вот оно наконец — пригодилось! Так что не пятьдесят — тут я перебрал, а тридцать?!» — Я снова нахмурился. — «Ну хорошо, двадцать: меньше уж никак не могу, нельзя.» — «А посмотреть можно?» — «Так двадцать?» — «Нет.» — Я всё ещё изображал мрачность. — «Ладно, давайте закончим на пятнадцати. Разве мои труды не заслуживают хотя бы такой мизерной суммы? Но, конечно, вы должны будете мне показать ведомость с зарплатой.» — Я поднялся и зевнул, делая вид, что всё это меня больше не интересует, и торг может завершиться. — «Вы уходите?» — Я заметил что-то вроде паники и кивнул согласно головой, и только после этого он стал снова маленьким ничтожным старикашкой, каким и был с самого

начала. — «Так сколько вы можете дать?!» — Я мысленно покопался в своих карманах и наконец вспомнил о долларовой бумажке, на всякий случай спрятанной в укромном месте в куртке. Приходилось выбирать, но с этим скрягой нельзя было, видимо, по-другому, и я решился. — «Пятьдесят долларов. Я дам вам за всё пятьдесят долларов, и не думайте, что это мало: за всё — вместе взятое — я получу больше раз в пятнадцать или двадцать: за несколько месяцев тяжёлого труда. Кроме того, я дам вам их сейчас же: после того, естественно, как увижу материалы.» — «Ну хотя бы сто?..» — «Знаете, мне это надоело. И ста у меня просто нет.» — «А пятьдесят точно есть?» — «Точно, точно...» — «Покажите.» — Это возмутило меня, но я дисциплинированно полез за подкладку и нащупал там сложенную бумажку, и потом осторожно вытащил её через далёкий разрез. — «Видите? Вот пятьдесят, и вот водяные знаки, так что всё честно.» — Я отдал бумажку ему, и он бережно поднёс её к свету. — «Видите — полоска? И что на ней написано?» — Он согласно закивал, и потом отдал мне банкноту и подошёл к секретеру. Копался он недолго, сначала он выложил посторонние бумаги, а уже из-под них вытянул связанную пачку, толстую внизу и сужающуюся вверх пирамидой. Лишнее он запихнул в секретер, и поднёс на вытянутых лапках пачку ко мне. — «Вот они, все здесь: журналы за последние три года, дневники — за последние два, и тетради — разные. И есть ещё кое-что — но уже за отдельную плату.» — «Мы же вроде договорились?..» — «На материалы

– да. Но это не материалы, это мои личные воспоминания, долгими днями, знаете ли, корпел, так что здесь уже – плод моих личных трудов.» – «И сколько вы за них хотите?» – «Ну хотя бы... десяточку, в долларах, разумеется.» – «На десять долларов я вряд ли наберу... Ладно, покажите, что у вас есть.» – Теперь уже он вынужден был пойти мне навстречу, и как ему не жалко было расставаться с бумагами, он наконец развязал пачку и разложил запасы рядом друг с другом: отдельно журналы, дневники и тетради; пока он их раскладывал, поднялось настоящее облако пыли, и мы оба расчихались. На самом верху лежала тонкая тетрадь, и разложив остальное, он взял её и раскрыл на первой странице и потом громко начал читать вслух. – «Воспоминания педагога. Часть третья. Р. Я ведь, знаете ли, когда-то тоже пописывал, не без этого, но вот – не получилось, и воспоминания – наверно, самое ценное, что у меня есть. Да, это третья часть – посвящённая Р., а есть ещё первая, вторая, четвёртая, пятая, шестую я ещё не закончил, и каждая связана с кем-нибудь из учеников, ставшим выдающейся личностью. А космонавты вас не интересуют? пожалуйста, часть вторая: Д., дважды герой; или, например, наука: есть целых две части: первая и пятая; академик и членкор: может, понадобятся? Недорого отдам, или могу даже всех вместе, оптом то есть.» – Он мерзко хихикнул. – «Так что старикашка вам ещё поможет, пригодится когда-нибудь, особенно если вы к этому старикашке по-хорошему: с водочкой или коньячком. Сегодня не дога-

дались: ладно, я понимаю, но в следующий раз не забудьте, пожалуйста.» – Во время выступления я выгребал деньги из кошелька, прикидывая, будет ли этого достаточно и не обидится ли учитель, но он заливался так вдохновенно и само- достаточно, что не заметил протягиваемые деньги, и я положил их на диван и стал складывать журналы и всё остальное в сумку, не совсем рассчитанную на вещи такого формата и такой тяжести. Наконец он закончил и очнулся, беспокойно он пошарил глазами по дивану, пока не наткнулся на деньги, и быстро схватил их и стал считать, складывая в аккуратную стопку. Долларовую бумажку он взял в конце и снова стал разглядывать на свет. Придаться было не к чему, и он сунул деньги в нагрудный карман и подошёл к столу: среди нескольких бутылок он выбрал одну, и, немного поболтав ею в воздухе, открыл крышку. Сразу потянуло сивухой – там была то ли водка, то ли самогон – и он налил в гранёный стакан на два пальца. – «Будете?» – Я строго помотал головой. – «Ну как хотите. А я без этого не могу.» – Он шумно заглотнул и схватил большой кусок чёрного хлеба: почти половину он отгрыз и только потом положил кусок обратно на стол. Я уже стоял в дверях, оглядывая напоследок жалкое вонючее жилище бывшего учителя моего героя. – «Хорошо, будем считать, что мы в расчёте. И всё-таки: на пузырьёк не добавите, от себя лично?» – Я опять помотал головой, отвергая последние домогательства. – «Ну я пошёл?..» – «А? Идите, идите. Не буду вас провожать. А когда выйдете на площадку,

захлопните дверь, хорошо?» – «Ладно. До свидания.» – Не обращая уже внимания на последние жесты или слова учителя, я выбрался в полутёмный коридор и максимально быстро прошагал мимо вешалок, кип газет и старой рухляди до входной двери: тёмная берлога с мохнатым дремучим пауком была позади, но оставалась ещё лестница, и, захлопнув дверь, я почти побежал по грязным неумытым ступенькам вниз, на волю, где ещё можно было дышать свежим прозрачным воздухом, не пропитанным сивушными и кислыми ароматами старой московской хрущёбы.

У меня намечалось ещё несколько встреч на вторую половину дня, и пока ещё оставалось время, я хотел получше рассмотреть полученное. Светило солнце и было тепло, я искал место, где мог разложить вещи и спокойно разобраться с дневниками и журналами, и особенно с тетрадями, самым удивительным приобретением. Если журналы и дневники можно было найти где-нибудь в старых архивах или хранилищах в школе, то тетради вряд ли стал бы кто-нибудь сохранять на долгую память, и недомолвки учителя на самом деле создавали загадку. Но гораздо существеннее было то, что я получил их, и не стоило мучать себя напрасно.

По дороге к метро я обнаружил маленький прудик в компании старых переросших лип. Я быстро нашёл скамейку: здесь никто не мешал, только женщина выгуливала бульдога, гонявшегося за голубями. Сначала я достал дневник: всё было правильно, и фамилия, и подписи в двух-трёх местах

совпадали с известными мне автографами, и я полез в конец, где стояли итоговые оценки. Интереснее оказался дневник последнего года: кроме оценок за полугодия и весь год там стояли результаты экзаменов: по литературе и иностранному языку было проставлено «отлично», но остальные явно разочаровывали. Естественные предметы оценивались на «хорошо», а по истории и обществоведению синели толстые «тройки», согласуясь с общей оценкой и итогом за год. Получалось, что завуч врала и говорила явно приукрашенную правду, выгодную и нужную и ей, и школе, и кому-то ещё, скорее всего А. Я полистал дневник в середине: там была навалена бурая смесь «троек», «четвёрок» и «пятёрок», разбавленных кое-где даже «бананами» и записями красными чернилами. На одной из них я остановился: «Родители, срочно зайдите в школу» – стояло в нижней части страницы, и здесь же виднелись чьи-то подписи – видимо, учителя и матери Р., ознакомившейся с запиской, но к сожалению, смысл состоявшейся беседы нельзя было понять по таким ничтожным данным. Такие же надписи красовались и дальше, через четыре страницы я обнаружил ещё одну, и потом ещё – через пять после предыдущей: он явно не был послушным учеником, что подтверждала ещё одна графа в конце: поведение везде оценивалось «удом», и странно ещё, как человек с таким количеством замечаний и претензий мог благополучно закончить столь привилегированную школу. Явно сказывалось высокое положение его родителей – скорее всего отца – ставшего ши-

том и не допустившим полного провала и позора. Журналы говорили о том же самом: оценки Р. на фоне одноклассников выглядели достаточно скромно и даже посредственно, и в специальном разделе, посвящённом штрафам и взысканиям, Р. имел самый богатый послушной список.

Потом я перешёл к тетрадям: здесь была одна тетрадь по литературе, одна по алгебре и почему-то целых две по химии. В химии не содержалось ничего привлекательного и интересного, в алгебре были собраны контрольные работы за десятый класс, достаточно прилично оцененные, но тоже не дающие ничего нового, и единственным приятным сюрпризом оказалась литература. В тетради помещалось два больших сочинения: одно по Пушкину, второе по Толстому, отмеченные одинаково: «пять» стояло по литературе, и «четыре» – по русскому языку. Стилль был достаточно ясный и свободный, так мог мыслить и писать только человек, явно превосходящий и выделяющийся на общем фоне своего времени: идеология не затушёвывала главных идей и того, разбором чего он занимался в рамках сочинения. Судя по почерку, он был достаточно уверенным и знающим себе цену человеком: буквы были маленькие, но чёткие, и не сливались, а наоборот расталкивали друг друга, и особенно выделялась округлостью буква «о». Специалистам, возможно, анализ дал бы гораздо больше, но основное я понимал и так; хотя и жалко было пятьдесят долларов, но трата выглядела ненапрасной, и если последняя тетрадь с воспоминаниями

учителя на самом деле содержала то, что он продекларировал час назад, то визит я мог считать безусловной удачей.

Я бросил взгляд на часы: нужно было ехать в издательство, одно из нескольких, заинтересовавшихся моим предложением. Почти два часа сидел я вчера у телефона, вспоминая более-менее приличные фирмы, могущие клюнуть на книгу о Р.; во всех случаях равнодушно отказывались, выяснив тему и моё положение, не говорившее им ничего и не обещавшее быстрого несомненного успеха, который можно было бы выразить заранее определённой суммой. Тогда мне пришлось изменить тактику: я стал говорить, что это будет книга о личной жизни Р., со всеми деталями и подробностями, включая его бесчисленные романы и любовные связи, почти не отражённые в существующей литературе. Разговоры пошли интереснее: теперь меня выслушивали до конца, вызывая в отдельных случаях даже более ответственных работников, с которыми я продолжал беседу. Этого следовало ожидать: я сам удивлялся собственной недогадливости, чуть не загубившей только намечающиеся контакты с издателями. Я, конечно, не собирался делать главным в книге именно скрытую от других сторону жизни Р., моя цель состояла в другом – освободить её от слоя лжи и недосказанности – но для частных издательств лучше было придерживаться как раз такой легенды, сулящей определённую выгоду.

После двух с лишним часов сидения у телефона я всё-таки составил небольшой список: три издательства готовы были

вести переговоры, и встреча в первом из них намечалась уже на сегодня, на три часа дня. Стоило перекусить что-нибудь по дороге, времени оставалось не так уж много, и я собрал дневники, журналы и тетради: с воспоминаниями учителя у меня не было возможности знакомиться именно сейчас, и приходилось отложить это на вечер.

У метро я нашёл закусочную и торопливо сжевал несколько бутербродов с фруктовой водой. Распорядок дня был слишком напряжённый, чтобы много внимания уделять еде, впереди была ещё неизвестная мне дорога на самую окраину города, и я спешил на встречу, имевшую такое важное значение.

Но сегодня оказался не слишком удачный день, и автобус завёз меня немножко в другую сторону, и к дому, где находилось издательство, я добрался в десять минут четвёртого. Далеко не сразу мне удалось определить его местонахождение; наконец меня послали в обход: оно размещалось где-то в подземной части здания.

Табличка висела на двери среднего из трёх подвалов, я осторожно спустился: высокие неудобные ступени вели прямо и потом направо; за дверью находился маленький зал, заваленный литературой: стены были заставлены полками и стеллажами, и можно было спокойно ходить и смотреть всё выставленное на продажу. Две продавщицы за прилавком зорко наблюдали за старичком, копавшимся в дальнем от них углу. – «Извините, мне было назначено сегодня на три

часа.» – «Назначено кем?» – «Вашим издательством. По-моему, я говорил с Ириной Сергеевной.» – Одна из продавщиц – постарше – сразу ожила. – «Проходите через эту дверь: прямо по коридору, а дальше разберётесь.» – Она подняла доску и пропустила меня за прилавок, и пока вторая не спускала взгляда с единственного посетителя, я прошёл мимо стройных штабелей к маленькой дверце, где пришлось даже пригнуться, чтобы перелезть через порог, и пошёл по полутёмному коридорчику.

Справа и слева находились двери, но мне нужно было прямо; за дверью с названием издательства коридорчик сворачивал налево, и только там я обнаружил признаки цивилизации: опять-таки за дверью находилась светлая комната, в которой за огромным заваленным бумагами столом сидела женщина. – «Здравствуйте, вы Ирина Сергеевна?» – «Да.» – «Мне назначено на три часа. Простите, пока я нашёл ваше обиталище, прошло уже...» – «Да, что-то вы поздновато. Слава богу, других встреч на ближайшие два часа не запланировано. А то бы пришлось вам – договариваться ещё раз. У нас серьёзная организация, не как у некоторых... Так что вы хотели нам предложить?» – «Я, собственно, работаю журналистом, – я назвал издание, – и немножко занимаюсь литературой; я собираюсь заняться книгой – биографической. Вы, наверно, хорошо знаете, насколько актёр Р. популярен в стране, да и за границей он тоже, по-моему, признан: один из немногих. Так что я собираюсь сделать книгу о нём.» – «Ну

что же, у нас было несколько изданий такого типа. Но знаете: такие вопросы у нас обсуждаются с редакторами – как минимум. Или нет: мы же назначили вам встречу с заместителем генерального – он ждёт вас. Кстати – он наш выдающийся писатель: Георгий Михайлович – надеюсь, вы слышали?» – Я отрицательно помотал головой. – «Ладно, а я лишь секретарь. Нет, но вы правда не слышали?» – «Извините, нет.» – «Ладно, бог с вами: идите в ту дверь, и по коридору вторая дверь справа. Там написано: зам генерального директора.» – Она показала пальцем направление. – «Спасибо. И ещё раз извините.»

Выдающийся писатель сидел за столом и сосредоточенно работал на персоналке, и только когда я поздоровался и вошёл, он немножко отвлёкся и показал рукой на стул рядом, и краем глаза я заметил наконец картинку: он резался в один из вариантов тетриса, забравшись очень далеко, но из-за моего прихода фигурки посыпались беспорядочно и он сделал несколько ошибок, фатальных для продолжения действия. Звякнуло «гейм овер», и он вышел из игры, не слишком довольный поглядывая на меня: возможно, я помешал ему поставить новый рекорд. Он выключил персоналку и сложил руки, готовый к разговору. – «Вы по какому делу?» – «Извините, мне было назначено на три, но пока я нашёл ваш дом, а потом ещё и подвал, прошло слишком много...» – «Да, уже половина четвёртого.» – Он порылся в бумагах на столе. – «У вас было предложение по поводу книги... Перевод?» –

«Нет, биография: биография Р., одного из лучших актёров последнего времени.» – «Ну что же, покажите.» – Я испуганно уставился на него, но он водил глазами по столу, и не замечал моей реакции. – «Показывайте, показывайте.» – «Дело в том, что я только собираюсь её написать.» – Он устало зевнул и поморщился. – «И это всё, что вы можете нам предложить?» – «У меня есть начало, – я стал выпутываться и импровизировать, – но это не самое главное. Я собираюсь делать не просто книгу о Р. – что было бы слишком просто и тривиально – я собираюсь делать книгу о личной жизни Р. – прежде всего, и о том, как личная жизнь оказалась связана с его творчеством. Я надеюсь, вы слышали кое-что о его похождениях, и не кажется ли вам, что лучшей приманки трудно будет пожелать? то есть коммерческая сторона будет достаточно надёжной и основательной.» – «Насколько я помню, уже выпускалась одна биография Р.» – «Да, я знаю и автора, и других заинтересованных людей: автором был А., но вся его книга – одни подтасовки и приукрашивания. Я могу это даже доказать: в том числе документально.» – «А. – большой человек.» – Он задумался и откинулся на спинку кресла: возможно, он прикидывал, не слишком ли опасно будет выступить против такого авторитета и не вызовет ли это нежелательных последствий. Размышлял он недолго, и наконец вернулся к разговору. – «Вообще предложение может оказаться интересным. А что у вас там насчёт документов?» – «Есть кое-что: особенно связанное с ранними года-

ми. И я не сомневаюсь, что ещё достану.» – «И откуда же?» – «Я уже много лет собираю материалы и давно, можно сказать, готовлюсь. Несколько адресов близких Р. людей у меня есть, и кое с кем я уже встречался, так что информация у меня самая достоверная.» – «А что вы там говорили по поводу коммерческой стороны?» – Он стал доброжелательным и вежливым, и появившийся интерес был явно благоприятной реакцией, которую требовалось поддержать и не дать заглохнуть и угаснуть. – «Вы конечно же слышали бесчисленные слухи и сплетни о бурной личной жизни Р.? У него было три жены, и никто не знает точно сколько любовниц и подруг: такой человек мог себе подобное позволить, хотя в те времена это находило немного не тот приём.» – Он внимательно слушал меня, поигрывая карандашом, подобранным на столе; им он делал иногда заметки на листке бумаги: возможно, связанные с моими объяснениями. – «Но сейчас, конечно, всё изменилось, и чем другим можно привлечь такой читательский интерес, как не любовными похождениями? К сожалению, вторая жена Р. умерла – что я знаю точно – но остались ещё две, а через друзей я надеюсь найти кого-нибудь из старых знакомых, и – внимание! – есть ещё кое-что.» – Он сразу насторожился: этот мужчина среагировал удивительно легко и свободно: только теперь я заметил его повышенную возбуждённость и интерес к тому, что я рассказывал. Зрачки у него немного расширились, а в углах рта заблестела слюна, и похоже было, что она сейчас закапает на

заваленный бумагой стол, и я остановился, чтобы не доводить его до крайности. — «Собственно, речь идёт о первой любви, или точнее о том, что можно признать как первую любовь, причём — как оказалось — она стала человеком, достигшим тоже известности и кое-каких успехов.» — Возможно, я разочаровал его, и он ждал чего-то более существенного, например, известия о нестандартных связях Р. с приложением списка основных партнёров, но чего не было, того не было: с данной стороны, судя по всему, он был чист, да и зачем ему с его возможностями могло это понадобиться? Насколько я мог судить, Р. были чужды неестественные наклонности и стремления, пусть даже распространённые в его среде больше, чем в других сферах, и вряд ли он стал бы делать то, что не связывалось с глубинными свойствами его характера и кроме того каралось ещё и законом. Его нельзя было обвинить в законопослушности, что доказывалось и поведением в школе, и пьяными дебошами уже во взрослой актёрской жизни, когда несколько раз он даже умудрялся попасть в вытрезвитель, и только великий талант спасал его от серьёзных последствий. Главный режиссёр театра, где Р. проработал почти всю жизнь, всегда приходил на помощь и вытаскивал из самого последнего дерьма, но с другой стороны сам Р., похоже, не чувствовал особых обязательств по отношению к режиссёру, тоже небесталанному и пользовавшемуся определённой известностью. Он мог опоздать или даже вовсе не явиться на репетицию, и все причастные к спек-

таклю люди не знали, что подумать и проклинали в очередной раз ушедшего в загул актёра, но ничего подобного никогда не происходило на спектаклях, и особенно во время премьер: все знали, что в каком бы свинском состоянии ни приползал Р. домой накануне или за несколько дней до того, на сцене он будет пластаться и вытягивать, вздымать действие вверх, на горные вершины, мало кому доступные, и даже если сама пьеса выглядела не слишком удачной, последнее слово и дело было за Р., который спасал от провала даже совсем уж слабое и беспомощное. В конце карьеры близкие к театру драматурги даже использовали это качество, не слишком заботясь о шлифовке своих опусов, но обязательно придумывая роль для Р., одну из центральных в пьесе. Применялся даже шантаж, чтобы заставить его согласиться на роль, и количество разной дребедени, сыгранной к концу карьеры, превысило допустимые размеры. Очень немногие из таких ролей остались в памяти, да и то в-основном благодаря самому Р., его настойчивости и в какой-то степени резкому характеру. Он заставлял переписывать то, что ему не нравилось, и довольно часто зрители, бывшие горячими поклонниками театра или самого Р., видели странное зрелище: от спектакля к спектаклю, с течением времени, текст, звучавший со сцены, понемногу изменялся, почти всегда в лучшую сторону. Начиналось всё с его роли, но поскольку одно связывалось с другим, приходил черёд и других ролей, и вся пьеса уже выглядела по-другому. Кто-то из друзей да-

же шутиливо спрашивал, не возьмёт ли кто-нибудь из близких театру драматургов его в соавторы, но сам Р. не слишком обращал на это внимание и продолжал раздаривать направо и налево свои идеи. Казалось даже странным, что он сам не берётся за такое привычное для него дело, и бывшие друзья и родственники неоднократно намекали, что было бы неплохо увидеть на сцене его собственные творения. Неизвестно было, как Р. относился к таким подначиваниям: его обычно резкий характер не проявлялся в данном случае яркими цветами и гранями, и в воспоминаниях не сохранилось ни одного упоминания о драматургических экспериментах: возможно, здесь скрывалась ещё одна тайна.

Зам генерального был несколько разочарован: когда я коротко рассказывал об однокласснице Р., ставшей потом тоже достаточно известной личностью, он успокоился и опять стал делать заметки на листке бумаги, кивая иногда головой в такт моим мыслям, однако ясно было, что такая новость не вызывает особого интереса и восторга: вполне возможно, что он уже составил примерный ответ на моё предложение. Несмотря на начальную благоприятную реакцию, дело шло не слишком удачно, я уже чувствовал внутреннее недовольство зама, почти со скукой слушающего белиберду о событиях тридцатилетней давности, он уже почти не скрывал, что это ему неинтересно, и я видел, как мои шансы зацепиться здесь уменьшаются и почти приближаются к нулю; надо было что-то делать, и первоначальные идеи не могли

уже помочь и пробить апатию скучающего мастодонта. Я замолчал и весь напрягся, и наконец ассоциации выдернули на поверхность одну случайную догадку, которая могла оказаться в принципе и достоверной. – «Вообще знаете ли, то, что я вам сейчас рассказывал, достаточно обычно и не так интересно. Но есть такая вещь, о которой, по-моему, никто не догадывается. Дело в том, что отец Р. работал в спецслужбе, причём служил там не какой-нибудь мелкой сошкой, нет, он был полковником, и представьте себе картинку: с одной стороны – сын, один из символов вольнодумства и стремления к свободе, и с другой стороны – его отец, призванный со всем этим бороться, и к чему такое противостояние должно было привести.» – «Это вы серьёзно?» – Он бросил карандаш и уставился на меня, пытаюсь, видимо, понять, разыгрываю я его или говорю правду, но явных причин не доверять мне не существовало, и он немного растерянно хлопал глазами: наконец-то я смог заинтересовать его по-настоящему, и дело выглядело уже по-другому. – «Так-так, понимаю.» – «Вам теперь ясно, какую интригу можно тут построить, и ведь это объясняет его мучительные метания, и все его срывы, и бесконечные пьянки, когда он старался забыть о противостоянии – вы подумайте с кем – с родным отцом!» – Я тоже начинал верить в то, что говорил сейчас, придумывая почти на ходу будущую интригу, не уступающую самым лучшим и известным детективам, ну а на собеседника это произвело огромное впечатление: он выпрямился в кресле,

и тоже, возможно, прикидывал, что может дать такой сюжет. Теперь впечатление было сильным и захватывающим, и надо было использовать его до конца. — «Ну так что, такая биография интересует ваше издательство?» — Он очнулся и пожевал губами, возвращаясь с небес на землю, где требовался уже другой, чисто деловой подход. — «Что я могу сказать? Такая книга может заинтересовать наше издательство. Но когда она будет готова?» — Он уставился на меня уже не с недовольством, а с интересом. — «Может, полгода, может — чуть больше.» — «Ну вот тогда и поговорим.» — «А насчёт договора?..» — «Какого договора?» — «Ну, хотя бы предварительного — на издание.» — «Знаете что, мы подобных вещей не делаем: даже с известными писателями. А что уж говорить об изданиях, у которых есть пока только идея? Так что — делайте книгу, а там поглядим. Там видно будет.» — Он заметно торопился, и я встал. — «Делайте, делайте книгу. И знайте, что лучших условий вам сейчас никто не предложит. А в большинстве издательств вас вряд ли станут даже слушать — с одной-то голой идеей.» — Я не знал, так ли это на самом деле, но в ближайшие несколько дней стоило это проверить, и я вежливо попрощался с замом генерального и выдающимся писателем, который на прощание даже привстал с кресла, и обратно по кротовым переходам вылез на улицу. День кончился, и это было последнее дело на сегодня. Уже можно было открывать списки приобретений и потерь, куда попадало то, что я отдал и получил в квартире бывше-

го учителя; но нельзя было забывать и опыта, полученного в издательстве: их не интересовал Р. как личность, и главным выглядело всё скандальное и тайное, что было с ним связано, и к воссозданию чего я неожиданно сам приложил руку. Теперь нельзя было отступать, и мои поиски получали определённую направленность, так явно расходившуюся с первоначальным замыслом, понемногу тускневшим и уступавшим место другой реальности, жестокой и неприятной и мне, будущему её создателю, и возможно, многим другим, ждущим от искусства немного света и тепла.

Домой я добрался почти в шесть часов, когда ещё всюду светило солнце и было душно, как в конце лета. В квартире стояла тишина, родители уехали в деревню на месяц, чтобы заниматься овощами и фруктами, и я мог сосредоточиться на своём деле. Я быстро разогрел и поел приготовленное заранее, и занялся тетрадью с воспоминаниями учителя: надо было наконец узнать, за что я отдал деньги.

Тетрадь была тонкая, в двенадцать листов, разлинованных в клетку, но заполнена она оказалась не до конца, а чуть больше чем наполовину: видимо, не так уж много мог вспомнить учитель о своём великом ученике. На обложке стояла фамилия и цифра «три» – порядковый номер тетради во внутренней иерархии учительского архива, а на обратной стороне обложки – дата записи: число примерно десятилетней давности. То есть записи отделяло от событий больше

двадцати лет, на которые наверняка выросли поздние наслоения.

Как я и слышал в школе, учитель на самом деле оказался классным руководителем Р., в записях об этом было сказано ясно и с понятной гордостью. Класс, где учился Р., он принял, когда они уже перевалили за середину и приближались к концу обучения, что оказалось связано с реорганизацией школьной системы и объединением в одних классах мальчиков и девочек; ему достались последние три года классного руководства у Р., и возможно, поэтому его записки ограничивались этим сроком.

Всё было навалено в одну беспорядочную кучу, и мне пришлось разделять истории и случаи, раскладывать их по отдельным полочкам, чтобы потом можно было легко найти необходимое. Начиналось всё с учёбы и поведения героя: учился он вначале хорошо, хотя способности позволяли бы ему быть лучшим в классе, но подводила небрежность и необязательность: он мог блеснуть на одном занятии, а на следующем забыть прочесть какой-нибудь параграф и долго пытаться выкрутиться, что не всегда приводило к успеху. «Пятёрки» иногда перемежались «тройками» и даже ещё худшими оценками, и в классе он был вначале чуть выше среднего уровня. По поводу поведения мнения учителей разделялись: для кого-то его беззлобные шутки были всего лишь развлечением, а кто-то воспринимал их слишком серьёзно и соответствующим образом отмечал в журнале и

дневнике: не случайно я наткнулся на несколько таких записей, обличавших Р. и дававших повод для вызова родителей. Сам учитель не был таким уж строгим педагогом, и прорабатывал героя только по необходимости, являясь его классным руководителем.

Но к концу учёбы поведение Р. стало неожиданно ухудшаться, пока однажды не обнаружилась ужасная вещь: оказывается, он прогуливал занятия, причём достаточно давно и достаточно регулярно, пользуясь добротой матери, покрывавшей грехи с помощью записок учителям. Все были шокированы, и даже мать, не ожидавшая такого размаха преступлений, а по результатам расследования открылось ещё более страшное: вместо занятий в школе он посещал читальные залы различных библиотек, зачитываясь литературой прошлых веков и нового времени, всех эпох и всех народов, на что, естественно, не хватало и не могло хватить времени, остававшегося после занятий. В присутствии директора, завуча и классного руководителя Р. дали понять, что с такими замашками он вряд ли сможет закончить десять классов, и даже был специально выделен испытательный срок, по итогам которого должна была определиться его судьба. Видимо, испытание завершилось удачно, но отношения со многими учителями, узнавшими, чему Р. предпочитал общение с ними, оказались испорчены, и многие стали его сознательно заваливать, действуя по принципу «кто не с нами, тот против нас». Теперь он переместился в худшую половину клас-

са, то есть если лучшей половине оценки немного повышались – часто неосознанно – то другой части приходилось бороться за выживание в явно неблагоприятных условиях, и если учесть равнодушие и неактивность Р., то можно было понять тяжесть его положения в самом конце школы. В записках упоминалось об открытой вражде Р. с главным идеологом школы – учительницей истории – приведшей к появлению даже «трояков» в окончательном аттестате. Видимо, она взяла на себя нелёгкую задачу по борьбе с паршивыми овцами в благородном стаде, и Р. стал одной из главных мишеней и самой заметной паршивой овцой.

Но школу ему всё-таки дали закончить, и главной причиной было, видимо, высокое положение отца, не позволявшее окончательно добить Р. и избавиться от него. Судя по записям, старый учитель чаще защищал его, и не все в школе были настроены против, но положение не позволяло заступникам заметно влиять на его судьбу.

Кроме самого общего рассказа о последних годах в школе я выделил несколько отдельных эпизодов, косвенно подтверждающих его высокое будущее, хотя конечно, далеко не все понимали это. Первой оказалась история о летней обязательной практике после девятого класса, когда весь класс работал на заводе. Учитель не упоминал, что это был за завод и чем там все занимались, только к концу практики обнаружилось, что Р. заработал в два или три раза больше одноклассников. Учитель был удивлён и в качестве классного

руководителя сделал запрос: от него зависела оценка по трудовому обучению, но всё оказалось верно, и пришлось подкорректировать не самую лучшую оценку по предмету.

Потом шли воспоминания о каком-то интеллектуальном турнире в классе: требовалось что-то вспомнить, отгадывать или уже заранее знать, и здесь проявилось полное и подавляющее преимущество Р. по всем разделам над одноклассниками: знал он больше всех, и лучше других реагировал на неожиданные вопросы, но сильнее всего превосходство проявилось в том, что было связано с памятью: он просто задавил всех, и даже классный руководитель, знавший по идее своих подшефных, был поражён таким несоответствием школьных успехов неформальному состязанию. Возможно, после этого учителю стало кое-что понятно, но и он, конечно, не смог бы предположить будущего взлёта, тем более что сам Р. – насколько мне было известно – тогда не думал об актёрской карьере.

Третий случай – подтверждавший предыдущее – произошёл в десятом классе. Насколько можно было понять, из-за участвовавших случаев воровства вещей из раздевалки в школе организовали дежурство старшеклассников, освобождая их на отдельные занятия; во время одного такого дежурства Р. проявил бдительность и не позволил совершиться преступлению, хотя и не смог задержать предполагаемого вора. Случай не имел особых последствий, и только в совокупности со всем остальным давал возможность понять и

оценить потенциал и неслучайность того, что случилось с ним потом.

Помимо этих эпизодов, в нескольких местах проскальзывали намёки, из которых можно было понять, что в идеологическом плане Р. считался неясной и даже ненадёжной личностью; соответствующие службы имели такую информацию, хотя и сложно было понять, в чём неблагонадёжность проявлялась, но, видимо, на отношения с главным идеологом школы это накладывало отпечаток, что стало причиной появления злосчастных «трояков» в аттестате. Трудно было поверить, что человек, обладавший лучшей в классе памятью и сообразительностью, не мог выучить того, что изучалось на занятиях по истории и обществоведению, и причины, очевидно, крылись совсем в другом. Представляю, как могла выглядеть его характеристика после окончания школы: с одной стороны – неблагонадёжность с точки зрения идеологии, с другой стороны – неактивность и незаинтересованность во всём, что касается учёбы и общественной жизни, и даже общие способности вряд ли могли заметно улучшить такое подобие волчьего билета – но удивительно! – он поступил в институт – пока не театральный – с первого же захода. Здесь была уже другая история жизни Р., тоже не до конца ясная, но всё-таки я точно знал, что сразу после десятого класса он поступил в обычный инженерный институт, который затем бросил, не доучившись даже первого семестра, а через несколько месяцев неожиданно для всех с блеском сдал эк-

замены в театральный институт.

Я узнал достаточно много нового, однако одна сторона жизни Р. почему-то пропускалась: речь шла, конечно, о его отношениях с одноклассниками. По непонятной причине то, о чём с интересом говорила завуч, совсем не отражалось в воспоминаниях учителя, и данный пробел надо было восполнять из других источников. К счастью, у меня имелся адрес первой жены героя, которая могла что-нибудь знать по этому поводу; расследование желательно было проводить последовательно, в хронологическом порядке, чтобы иметь возможность понять побудительные причины его действий и поступков, далеко не всегда простых и внешне логичных. Почему он выбрал инженерный институт и конкретно тот факультет, хотя никогда не имел склонностей к предстоящей работе, и почему бросил его так быстро, и чем он занимался несколько странных месяцев перед поступлением в театральный институт, а то, что он занимался, и, видимо, много и напряжённо работал, было ясно из результата, но почему-то нигде об этом не говорилось ни слова, как будто эти месяцы были просто вычеркнуты из его жизни. И чем была обусловлена его первая ранняя женитьба, и сразу после уход из дома родителей к жене: наверняка у него дома условия выглядели намного благоприятнее, однако почему-то он выбрал трудную жизнь с большими материальными сложностями, с которыми опять-таки непонятно как справлялся. Надо было идти на контакт с первой женой, жившей совсем рядом с го-

родом, но не имевшей телефона: завтра утром я собирался выбраться туда, хотя и не знал ещё, застану ли её дома; приходилось рисковать, но на худой конец можно было оставить записку или съездить за город ещё два-три раза.

Я слишком долго занимался анализом и изучением записок, и мысленным построением каких-то будущих связей, и не сразу услышал, как надрывается телефон. Он прозвонил уже раз пять или шесть, и можно было ожидать, что сейчас замолкнет, но человек проявлял настырность, и пока я не торопясь подходил, гадая, кто бы это мог быть, он не остановился. – «Алло?» – На другом конце молчали. – «Я вас слушаю.» – «Слушай, ты, собиратель жареных фактов, если ты ещё сунешься куда-нибудь со своими расспросами, то тебе будет плохо. Тебе ясно?» – «Это кто говорит?» – «Кто надо.» – Голос был грубоват и явно принадлежал человеку немолодому. – «Я вас не понял.» – «Чтоб больше никаких шевелений и расспросов по поводу Р. не было. Теперь ясно?» – «Но это же редакционное задание.» – «Сказки можешь дяде рассказывать, а здесь люди серьёзные.» – «А вы, извините, от кого?» – «Кто много знает, тот долго не живёт.» – «И всё-таки?» – «Считай это первым предупреждением.» – Трубку повесили, и я остался один, в тишине и молчании, теперь пугающем, поскольку появился новый фактор, препятствие на и так нелёгком пути, пока неизвестно насколько опасное, но если после первых же трёх дней розысков стал возможен такой звонок, это значило, что я кому-то

хорошо наступил на больное место и кое-чего достиг, и не было смысла останавливаться в самом начале, а надо было так же последовательно и упорно двигаться дальше.

Из двух вариантов я выбрал всё-таки электричку: из-за надёжности расписания и потому, что знал этот вокзал и раньше, а автобус требовалось ещё найти, отыскать в наверняка пёстрой мешанине и хаосе. Я обдумывал вчерашний звонок: не очень понятно было, кому я мог помешать, причём настолько, чтобы устраивать представление и запугивать после первых трёх дней активной работы. Я вспомнил всех, с кем общался: мой главный редактор, Б., завуч, старый учитель и потом редактор в издательстве, вряд ли заинтересованный в давлении на меня. Моему главному не было смысла звонить таким вот образом: он мог просто аннулировать мою командировку и вызвать на работу, чтобы там уже обсудить возникшие сложности с глазу на глаз. Спившийся учитель тоже выглядел непричастным: какой смысл ему-то было лезть в кашу, совершенно для него постороннюю и далёкую, особенно после того, как он получил деньги. Оставались двое, причём если Б. выступал как окончательная инстанция, то за спиной завуча маячило ещё одно заинтересованное лицо – А., предполагаемая связь с которым помогла мне так легко выудить из завуча кучу информации. Насколько можно было понять, я имел дело с одним из двух главных специалистов по Р.: этот человек умудрился где-то добыть но-

мер моего телефона, который я не оставлял ни Б., ни завучу, то есть возможности недоброжелателя выглядели серьёзно, но понять, кто же это — А. или Б. — казалось невозможно. Оба не были заинтересованы в появлении ещё одного конкурента и могли в принципе организовать звонок — а звонил — очевидно — посторонний, но слишком уж большое значение уделялось мне и непомерно выглядели меры предосторожности: можно было подумать, что я пытаюсь открыть какую-то неприятную и даже опасную тайну, будто не было уже выпущено большое количество биографических материалов по Р. Хотя оказалось, что слишком многое было оставлено за границами, и прежде всего то, что могло привести к негативному восприятию самого Р., особенно в глазах недалёких поклонников: его отношения с окружением не самого высокого интеллектуального и морального уровня могли показаться подтверждением его низких качеств, но на самом деле всё здесь было намного сложнее: просто его превосходство почти во всём натывалось на глухую стену непонимания и неодобрения, особенно со стороны пожилых, привыкших немножко к другому людей: его внешняя непочтительность, видимо, определялась не хамством или прочими качествами, а стремлением к справедливости, часто несоединимым со сложившимися тогда отношениями, и когда он называл вещи своими именами, это далеко не всегда находило нужный приём.

Оставалась ещё загадка: каким образом звонивший мне и

тот, кто стоял за ним, узнали, что я выполняю не редакционное задание: фактически под таким удобным соусом я пытался реализовать давнюю, ещё в университете намечавшуюся идею; только мой главный редактор и редактор в издательстве знали точно, что целью должна стать книга. Получалось, что кто-то из недоброжелателей вышел на моего шефа, потому что издательство почти наверняка исключалось, если, конечно, мой прошлый собеседник – «выдающийся писатель» – не связался сам с А. или Б. Но подобное выглядело маловероятно, и какой смысл ему было соваться не в своё дело; единственный вариант – если только он близко знал того или другого, и источник утечки можно было вычислить. Этим я собирался заняться завтра, а сейчас я ехал к первой жене Р., жившей совсем недалеко от города. Подошла нужная станция, я вышел из поезда на платформу, как и в городе заставленную ларьками и забитую людьми, и спросил у старушки, где находится нужная улица. Старушка показала, я поблагодарил и двинулся по переходу на другую сторону. Насколько я понял, улица находилась недалеко, но я на всякий случай ещё раз узнал – теперь у мужчины – адрес: всё оказалось верно, я двигался в правильном направлении. Улица оказалась грязным тупиком с двух- и трёхэтажными домами по бокам, а место тротуара занимали кусты, вымахавшие у самой обочины. Пока не было машин я быстро добежал по дороге до здания с нужным номером и нашёл наконец узкий проход через заляпанную грязью зелень. Подход к

зданию был засыпан щебёнкой, а нужная квартира находилась на втором этаже. Лестница выглядела убогой и обшарпанной, даже два человека не смогли бы разминуться здесь, и учительская хрущёба казалась почти небоскрёбом по сравнению с обиталищем Ирины Ивановны, бывшей первой жены моего героя.

Звонил я недолго, даже у порога можно было услышать музыку и голоса, хотя и не совсем ясно было, откуда они исходят, но когда дверь открылась, я понял, что мне повезло. Бормотало и изливалось радио: из-за звукопроницаемости стен можно было подумать, что там разговаривают несколько человек, но на пороге стояла только невысокая пожилая женщина. – «Здравствуйте, извините, вы Ирина Ивановна?» – «Да. Что вам нужно?» – «Хороший вопрос. Я журналист. Журналист и писатель – но в данном случае главное – первое. Меня интересует ваш первый муж...» – «Это какой же? Наверно, Р.?» – «Да, он. Мы можем поговорить подробно? Если это вас не затруднит.» – Она застыла, возможно, прикидывая будущие результаты и последствия, а потом улыбнулась и отошла в сторону, давая мне пройти. Впереди стояла стенка, я свернул направо: прямо по ходу теперь находилась кухня, а налево открывался широкий проход в комнату. – «Проходите и садитесь: можно на диван или в кресло.» – Я снял ботинки и прошёл по ковру к креслу: так было удобнее, а на соседнем столике можно было разместить блокнот и записывать информацию.

«А вы неплохо устроились. Вы живёте одна?» – Она уже сидела на диване и смотрела на меня. – «Да как сказать. Можно считать, что да.» – Я хмыкнул и стал осматриваться: напротив меня пространство между окнами занимал сервант, справа находилось ещё окно, а слева на диване вольно раскинулась не такая уж старая, как можно было подумать вначале, женщина.

Я достал ручку и блокнот. – «Видите ли в чём дело, я собираю материалы о жизни и творчестве Р. Меня интересует подробная информация, а вы, насколько мне известно, одна из немногих, знавших Р. с юности.» – «Ну, это вы преувеличиваете. А его дружки?» – «Дружками я ещё займусь. А вы как-никак были его женой – по-моему, в течение трёх лет?» – «Нет, меньше: два года, даже ещё меньше.» – «Так-так, а почему же в книге – биографии Р. – написано, что первый брак продолжался три года?» – «По документам – три года, но на самом деле...» – Она передёрнулась и скривила лицо. – «Вот в чём дело... Он от вас ушёл?» – «Нет. Куда ему было уходить?» – «К родителям, конечно.» – «Да нет, к каким родителям. Он не мог этого сделать.» – «Почему же?» – «А вы что, не знаете? Он так разругался с отцом, что потом не мог с ним встречаться.» – «Извините, я об этом впервые слышу. А почему он... поссорился?» – Она с интересом рассматривала меня. – «Такой образованный, книги читает, а о таком не слышал?...» – «В книге об этом ничего не написано. И в статьях тоже, кстати.» – «Ну ладно. А за-

чем вам это знать?» — «Видите ли, всё, что пока написано об Р. — насколько я могу судить — слишком неполно и отрывочно. Например, из той самой книги, о которой я говорил — она, кстати, пока единственная — совершенно невозможно понять мотивы его поступков. Например: зачем он поступил в институт на специальность, к которой не имел — насколько мне известно — никакого призвания, и почему почти сразу бросил. Потом: каким-то образом он проскочил мимо армии — в те-то времена, не имея для этого веских оснований. И ещё...» — «Насчёт армии — это просто. У него было плоско-стопие, и потом ему помогли родители и кто-то ещё: по-моему, из дальних родственников.» — «Ага, ещё один момент: значит, у него есть дальние родственники?» — «А может, я и путаю. Да и кому это надо?» — «Надо. Всем его поклонникам и поклонницам.» — «Ну, его поклонницам требовалось от него другое.» — Я сначала не понял. — «Как вы сказали?» — Она оживилась и привстала: теперь она была в игривом настроении. — «А что я сказала? Я сказала правду: поклонникам требовалось от него нечто другое. Вы что же, не знаете об этом? Какой воспитанный и симпатичный молодой человек...» — Она уже стояла и поигрывала цепочкой, выуженной из кармана. — «А я не стесняюсь и всем об этом говорю: да, он был бабником, и бабником высшего класса. И то, что мне удалось удерживать его два года, совсем не так уж мало. У многих дело дальше первой ночи не продвигалось.» — «Вы так спокойно обо всём рассказываете...» — «А что же мне:

грустить прикажете? Пускай другие грустят, а я своё от него получила, да и потом: то, что я с ним просто познакомилась, уже была чистая случайность.» – «Расскажите, пожалуйста, поподробнее.» – «Такому милому мальчику? с удовольствием.» – Она прошла по комнате и села на стул напротив меня, заложив ногу за ногу. – «Вы не курите? Сигареткой не угостите?» – «Нет, извините, нет.» – «Жаль.» – Она обернулась к серванту и, порывшись на полке в вещах, достала пачку «Явы» и коробок. – «Предпочитаю наши. Хотя от других тоже не отказываюсь. Так о чём мы?» – «О знакомстве с Р.» – «Обычная, знаете, история: парк, весна, две девушки, два молодых человека. Я была с подругой, но он выбрал меня.» – «Он долго за вами ухаживал?» – «Нет, терпеливостью и скромностью он никогда не отличался. Да и кто мог ему отказать?» – «Ну, не все же были такими слабыми и беспомощными. Разве у него отсутствовали неудачи?» – Она неожиданно закинула голову назад и засмеялась, как будто я сказал глупость или что-то неправильное, но потом резко остановилась. – «Вы спрашиваете меня так, как будто я прожила с ним всю жизнь и была поверенной во всех его интрижках и увлечениях. Насколько я понимаю, он вначале ещё не был таким... охотником, и только входил во вкус. И во всяком случае о чём-то таком реальном я узнала только через полтора года после свадьбы.» – «Расскажите, пожалуйста, поподробнее.» – «Как я узнала?» – «Нет, о свадьбе.» – «Ничего особенного: обычная свадьба в кругу семьи и знакомых. От-

да он, правда, не приглашал.» – «А его мать?» – «Она была. Очень приличная женщина.» – «У вас сложились хорошие отношения?» – «Можно сказать, что да. Только у неё были немного аристократические замашки.» – «То есть?» – «Ну, например, ей не нравилось моё образование и воспитание. Я кончала техникум, а она хотела большего.» – «А кем вы работали?» – «Продавщицей – не в продовольственном, а в промтоварном магазине. Да и сейчас тоже. А что работа? Нормальная работа.» – Она передёрнула плечами и стряхнула пепел на ковёр, и так не слишком чистый, но, похоже, чистота мало её занимала: в одном углу я заметил апельсиновую кожуру, и кроме того рядом с диваном валялась пробка от бутылки. Сами бутылки наверняка размещались где-то рядом, например в серванте напротив, но я не стал выяснять этого, не за этим я сюда пришёл. – «Хорошо, а какие отношения у него сложились с отцом?» – «Мерзкие. Или, наверно, никаких не было. Они ведь поссорились и – по-моему – даже не общались: во всяком случае я при встречах не присутствовала.» – «А по какой причине, вы не могли бы сказать?» – «Насколько я понимаю, Р. считался паршивой овцой в своём кругу.» – «Вы ничего не путаете? Это достаточно серьёзное обвинение.» – «Как же я могу путать, если он мне сам говорил?» – «А что он думал?» – «А что он мог думать? Он называл их свиньями и подлецами – кроме матери, конечно. И я с ним была согласна.» – «Это связывалось с идеологией?» – «С чем, с чем?» – «Ну, он же счи-

тался неблагонадёжным – ещё в школе – из-за чего у него могли даже появиться трудности при поступлении в институт.» – «Может быть, может быть, точно не знаю. Да, по поводу института: он поступил туда, чтобы доказать им, на что он способен.» – «И как всё происходило?» – «Не знаю, мы познакомились уже после того, как он поступил.» – «Так-так, интересно, значит потом он переехал к вам и жил с вами два или... три года?» – «Да.» – «И что же происходило тогда?» – «По-моему, он даже и не посещал занятия. И ничего удивительного, что экзамены он и не пытался сдавать.» – «То есть?» – «Ну, он просто забрал документы.» – «А чем же он занимался?» – «Это вы у его дружков спросите. Меня он редко куда приглашал.» – «Хорошо, а адреса какие-нибудь у вас сохранились?» – «Да есть одного... забулдыги.» – «Чем же он вам так не угодил?» – «Всем!» – Она почти выкрикнула слово, и потянулась опять к пачке сигарет. Пальцы немного дрожали, и она не сразу зажгла спичку и затянулась противным вонючим дымом, от которого стала нервно кашлять и захрипела. Судя по реакции, она была не слишком высокого мнения о близких Р. людях, что согласовывалось с отзывами и других людей, но всё равно было не слишком приятно видеть ещё одного опустившегося человека, имеющего отношение к старому образу великого человека, оставившего такой заметный след в истории и осветившего нашу юность. Судя по её словам, где-то жил старый друг Р., и нужно было безусловно выйти на него, потому что, похоже, с

женщинами у Р. отношения складывались не слишком доверительно. — «Это очень интересно. А вы не могли бы мне его дать?» — «А? Пожалуйста.» — Она встала и открыла сервант, уже в средней его части; почти целиком он оказался забит журналами и старой бумагой, в которой она какое-то время копалась, сначала в одном месте, потом в другом, пониже. Из кучи она наконец достала старую записную книжку, растрёпанную и треснувшую в нескольких местах, и полистала её. — «Сейчас найду. Вот, записывайте.» — Она положила её на столик передо мной, показывая пальцем нужное место, и я быстро переписал адрес и телефон в блокнот: адрес был московский, хотя и незнакомый, видимо, где-то на окраине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.